Ровесник

МАЙ 5/89

ISSN 0131-5994

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ВОПРОСЫ СВЕРСТНИКОВ – ОТВЕТЫ СВЕРСТНИКАМ

Идею открытия новой рубрики нам подсказали ваши письма, где вы часто спрашиваете: «Как живут наши сверстники за рубежом!» Вас интересуют самые обыкновенные вещи: быт, досуг, хобби, мода. Надеемся, новая рубрика в какой-то степени поможет удовлетворить ваш интерес. Ее открывают вопросы учеников московских школ № 280, 1215 и 1140, а на вопросы отвечают американские школьники из города Нефи, штат Юта. Ждем ваших откликов и вопросов, которые редакция передаст вашим зарубежным сверстникам.

СЕРГЕЙ ОРЕФЬЕВ: Мы очень большое значение придаем модной одежде. А как к моде относятся наши ровесники в США?

ДЖУЛИ ТРОНТВЕЙН: Я предпочитаю выглядеть как и все другие, чувствовать себя комфортно — и не тратить на это уйму денег. Таких знакомых, кто одевался бы как Мадонна или другие какие звезды, у меня нет. Конечно, у каждой звезды своя мода, ну а мы, как правило, не пытаемся выглядеть слишком уж особенно. Хотя у меня есть знакомая, она увлекается искусством модернизма, занимается скульптурой, так вот она одевается совсем не так, как другие. У нее все иначе: и прическа, и косметика, и одежда очень странных фасонов. Она выглядит непривычно даже для нас. А мы хоть и одеваемся обыкновенно, но у каждого свой стиль: определенная обувь, носим майки или рубашки, узкие или широкие джинсы — кому как нравится.

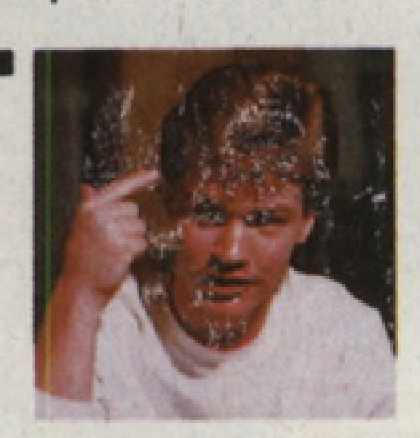
НАТАША ВАЛИУЛИНА: Есть ли в школах США второгодники?

МАЙКЛ ПАРКИН: Есть. Если не сдашь экзаменационный тест по какому-нибудь предмету, тебе придется изучать этот предмет снова и опять его пересдавать. В младших классах родители решают, нужно или нет их ребенку пересдавать экзамен, а уж в средних классах и дальше все зависит от твоей успеваемости: не одолел тест — придется учить этот предмет заново. Хоть ты и переходишь в следующий класс, но несданный предмет остается за тобой. А чтобы окончить школу и получить диплом, ты обязан пройти все тесты.

КЕЛЛИ ПЕКСТОН: А я знаю одного парня, он отличный спортсмен, а учится хуже всех. Учителей же он интересует не как спортсмен, а как ученик. И вот, когда он не прошел ряд тестов, ему предоставили выбор: остаться на второй год или уйти из школы. Он остался на второй год, чтобы еще поучиться и еще год позаниматься спортом в школьном клубе, а потом, глядишь, сдать экзамены и перейти в колледж. А если спортивная карьера удастся, то он может рассчитывать на приглашение учиться в каком-нибудь университете, где ему даже предоставят стипендию. Правда, в университете тоже нужно хотя бы по минимуму выполнять академические требования — иначе запретят дальнейшие занятия спортом в университетском спортклубе.

МАТВЕЙ ГУЛЬМАН: Как американские подростки относятся к службе в армии?

ДЖАСТИН ПАРК: У нас в Америке армия — наемная. Многие идут служить не из соображений защиты отечества, а просто армия для них — это как раз то, что нужно: в армии хорошо платят и там обучают различным профессиям. Скопив денег, после армии можно оплатить свою учебу в университете или купить дом и жениться. Я думаю, многие рассматривают службу в армии с этой точки зрения.

Ты знаешь: если ты служил в армии, к тебе будет уважение. Потому что всем известно, какую хорошую профессиональную подготовку дает армия. После армии нетрудно найти приличную работу.

ЮЛЯ ЮШЕНКОВА: Как американская молодежь проводит свободное время?

ДЖЕММИ ТЭЙЛОР: В нашем маленьком Нефи не так много возможностей для досуга. Например, нам нравится проводить время на главной улице, которая так и называется «Главная улица». Мы по ней ездим в автомобилях вверх-вниз, машем друг другу руками, смотрим на мальчиков, а мальчики — на девочек. А еще мы любим танцевать на дискотеке. Мы устраиваем ее каждую пятницу: в школьной столовой сдвигаем к стене столы и стулья, включаем музыку и танцуем весь вечер. Других дискотек у нас нет, постоянные дискотеки — в больших городах, а наш Нефи — маленький. Мы обычно собираемся в кафе, сидим себе за кокой или пепси и болтаем о том, о сем.

ЮЛЯ ЛАСТОЧКИНА: Как американская молодежь относится к опасности СПИДа?

МЕЛИССА МЕЛЛОР: Когда мы впервые узнали об эпидемии, мы даже боялись ходить в школу. А потом ничего, попривыкли: ведь болезнь в первую очередь касается взрослых.

НАТАЛИ БРАУН: О, это лишь дело времени, скоро и мы станем взрослыми. Нужно соблюдать меры предосторожности, чтобы уберечься от болезни. В школе нам объясняют, как это сделать.

МИРОСЛАВ СЛАВОВ: Многие ли американские подростки ездят на автомобилях и как они получают водительские права?

ДЭВИД СТЕФЕНСОН: За руль можно сесть в шестнадцать лет. Очень многие начинают водить автомобиль в этом возрасте. Некоторые ездят на автомобилях родителей, другие покупают какие-нибудь развалюхи, потому что новые автомобили им не по карману. Но в любом случае, пока тебе не исполнилось восемнадцать лет, купить автомобиль могут только родители, а ты еще считаешься несовершеннолетним.

А водительские права мы получаем в школе. В десятом классе есть курс вождения. Но если в течение двух лет ты трижды нарушишь правила дорожного движения, то, помимо всех штрафов, у тебя еще и отберут водительское удостоверение, и нужно снова пересдавать экзамены, чтобы получить его назад.

ЛИЗА ХАЧАТУРЯН: Женятся ли в США школьники?

ШЕА ПАКСМЕН: Да, женятся, если школьница забеременеет. Наверное, это единственный случай, когда женятся до окончания школы. Конечно, ничего страшного не происходит, но зачастую им приходится бросить школу. Мы-то с сочувствием относимся к ним: ведь ребята уже не могут позволить себе развлекаться, как мы. А взрослым такие браки не очень-то нравятся. Некоторые родители пытаются скрыть то, что произошло. А обычно женятся в двадцать два — двадцать четыре.

КАТЯ УМКОВА: Если парень ухаживает за девушкой, как к этому относятся одноклассники, смеются ли над ними?

ХОЛЛИ СКИННЕР: Никто над ними не смеется: ведь за нами тоже ухаживают. Что в этом особенного? Вот только парни очень ревнивы, ограничивают во всем, тебя всюду водят за руку, вы вместе входите в класс, каждый знает, что вы вместе — и никто другой за тобой не будет ухаживать. И порой это очень тяжело.

Записал В. СИМОНОВ
Фото А. ЧЕРНИКОВА

В НОМЕРЕ:

На первой странице обложки: участница марша мира «Пис куест» («Поиск мира»). В течение шести недель группа советской, шведской и американской молодежи путешествовала по СССР, Швеции и США. Молодые представители народной дипломатии встречались и разговаривали с тысячами людей, наводя мосты доверия в будущее без войн.

Фото Д. ГРЕБЕНЮКА

Ровесник 5/89

Главный редактор
А. А. НОДИЯ

Художественный редактор
Т. Н. Филипповская
Оформление художника
И. М. Неждановой
Технический редактор
М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефоны: 285-89-20 — для справок, 285-80-62 — отдел писем.

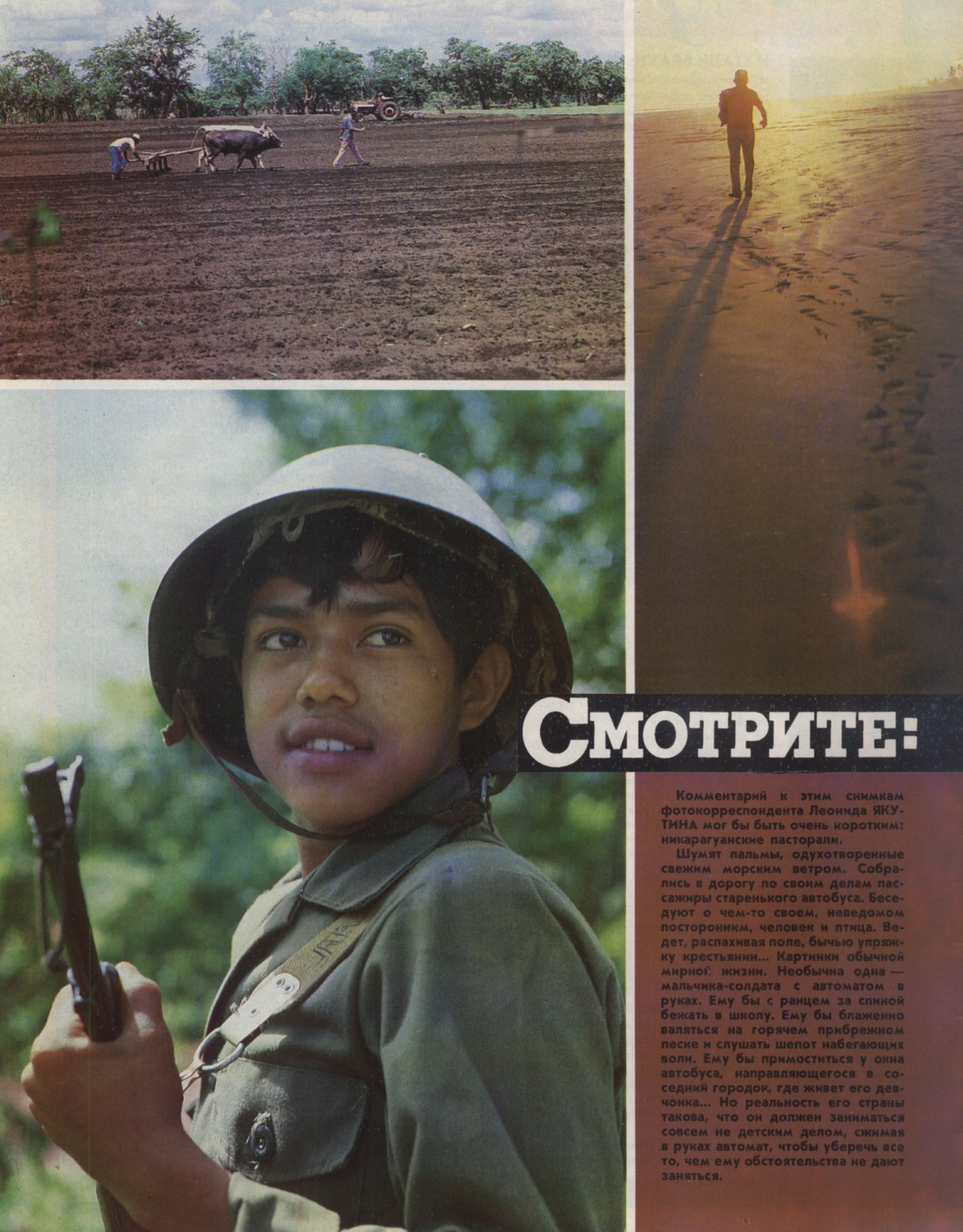

Сдано в набор 14.03.89. Подписано в печ. 05.04.89. А00869. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная, глазированная с покрытием. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 2 460 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 81.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Смотрите:

Комментарий к этим снимкам фотокорреспондента Леонида ЯКУТИНА мог бы быть очень коротким: никарагуанские пасторали.

Шумят пальмы, одухотворенные свежим морским ветром. Собрались в дорогу по своим делам пассажиры старенького автобуса. Беседуют о чем-то своем, неведомом посторонним, человек и птица. Ведет, распахивая поле, бычью упряжку крестьянин... Картинки обычной мирной жизни. Необычна одна — мальчика-солдата с автоматом в руках. Ему бы с ранцем за спиной бежать в школу. Ему бы блаженно валяться на горячем прибрежном песке и слушать шепот набегающих волн. Ему бы примоститься у окна автобуса, направляющегося в соседний городок, где живет его девчонка... Но реальность его страны такова, что он должен заниматься совсем не детским делом, сжимая в руках автомат, чтобы уберечь все то, чем ему обстоятельства не дают заняться.

TEXACO

ОТВЕТНЫЙ ВИЗИТ

Алексей ПОЛИКОВСКИЙ,
наш спецкор
Фото автора

В ночь с 7 на 8 ноября 1988 года из аэропорта Шереметьево-2 поднялся аэробус Ил-86. Он летел в Бельгию. На борту самолета находились 270 молодых людей из Москвы, Ярославля, Новосибирска. Многие обстоятельства, связанные с этим ночным рейсом, были необычны. Рейс шел вне расписания. Пассажиры, поднимаясь на борт самолета, не предъявляли билетов. Необычен был багаж, который ночью загружался в брюхо аэробуса. Чего тут только не было! Электронные приборы, таблицы, графики, видеокассеты, куклы-марионетки, коробки слайдов, круглые коробки с кинолентой, аппаратура рок-групп, банки со специями... Модельер Наталья Нафталиева везла с собой коллекцию одежды «Рок-пигмалион». Студент МАИ Андрей Полевич — воздушный шар и материалы для доклада «Возвращенное воздухоплавание». Художницы Нина Ромадина и Анна Чижова — коллекцию «Молодые художники Москвы». Это отправлялась на восемь дней в Бельгию советская молодежная делегация.

Бельгийцы были в Москве летом 1987 года [1]. Их было триста. Тогда они развернули свою экспозицию в просторных залах на первом этаже гостиницы «Орленок», где жили. Целью их визита, смыслом их экспозиции было — показать, что интересного и славного есть в Бельгии. И еще — завязать знакомства с ровесниками из нашей страны, увидеть, как живут тут люди, услышать, о чем думают и с какими проблемами имеют дело. Совершенно такие же цели имела советская делегация: себя показать и других посмотреть. В Бельгии наших молодых людей ждало то же самое, что летом 1987 ждало бельгийцев в Москве: веселое гостеприимство, радушие, множество интересных встреч, концертов, обсуждений, выступлений. Но было и кое-что новое, необычное для нас — в организации этого крупномасштабного мероприятия, в подходе бельгийцев к делу, в акцентах и деталях. И это новое и необычное кого-то удивляло, кого-то радовало, кого-то раздражало.

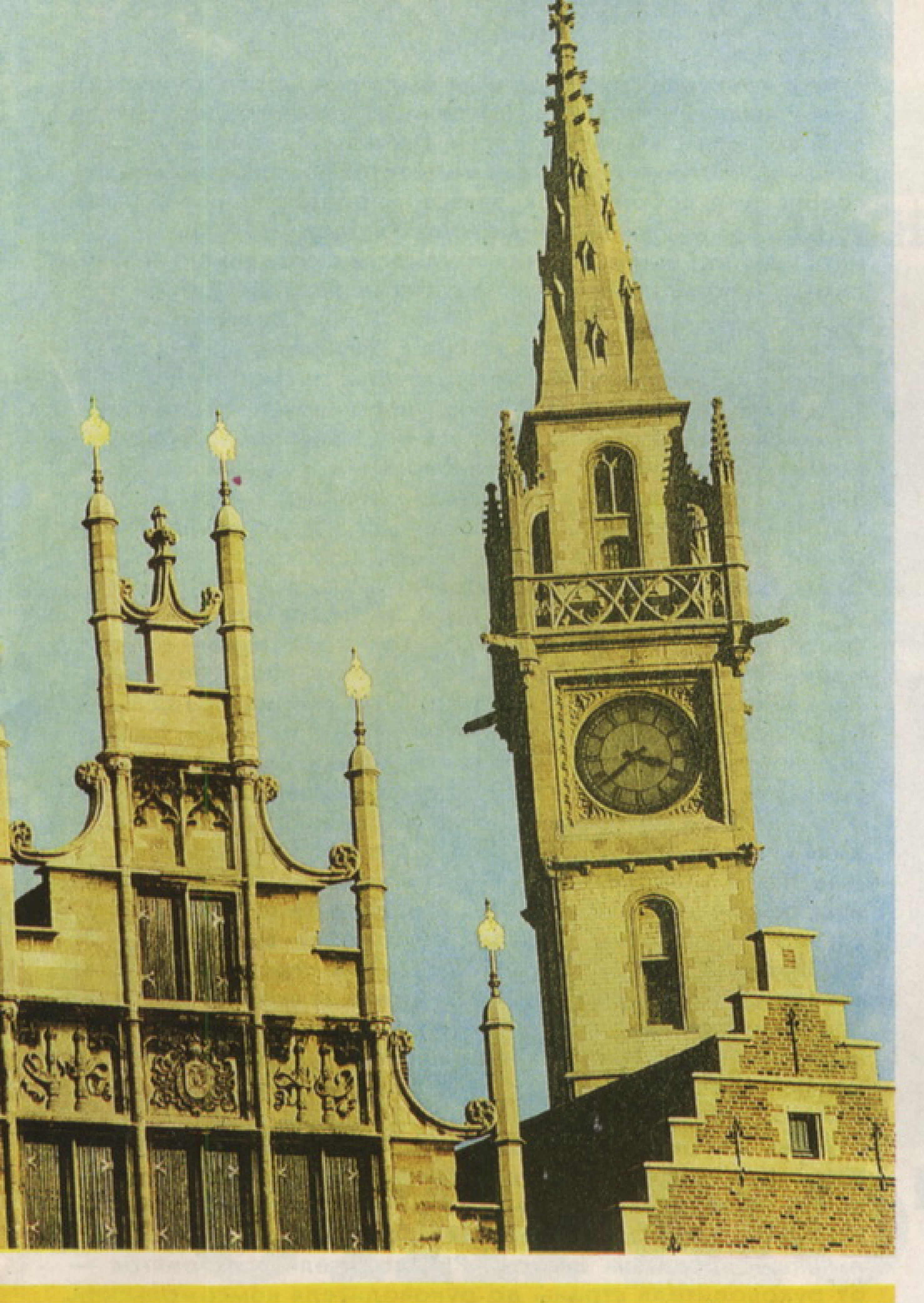
Утром 8 ноября, после трех часов лета (Брюссель ближе к Москве, чем Душанбе или Новосибирск), Ил-86 приземлился в Бельгии. Молодые люди в черных шляпах, с длинными красно-желто-черными шарфами потянулись по трапам. Эти шляпы и шарфы, раскрашенные в цвета советского и бельгийского флагов, были отличительными знаками нашей делегации. Автобусы развезли гостей по гостиницам «Жак Брель» и «Адепс», прошел час, другой и третий, улеглась суета, неизбежная тогда, когда нужно разместить почти три сотни людей и тонны грузов — и вот, кажется, настало время нам знакомиться с Бельгией и бельгийцам с нами. Вот тут-то, когда настало время делать то, ради чего и было затеяно все дело, и начались сложности.

У нас, в Москве, как мы принимали бельгийцев? Мы им на девяносто пять процентов организовали общение. В точно назначенный час за ними в «Орленок» приходили автобусы и развозили их в заранее намеченные места: в редакции, в школы, в театры, на предприятия и в офисы общественных организаций, с которыми они хотели наладить контакты. Почти весь день был у них занят этим. Вечером они возвращались в свою гостиницу, спускались в зал первого этажа, где у них были расставлены экспонаты,— и стояли около них в напрасном ожидании свободного общения и толп нашей молодежи, которой было бы интересно все привезенное ими. Толп не было. Между стендами и экспонатами расхаживали журналисты и небольшое количество людей, имевших пригласительные билеты, распространявшиеся по райкомам. Свободного входа для публики не было — у дверей стояли двое с красными повязками. Да широкая публика и не рвалась в эти двери — она, в массе своей, и не знала. Плакатов на улицах не висело, газеты и радио ее не зазывали пообщаться с бельгийцами. И когда начался рок-концерт (играла наша группа «Тяжелый день» и бельгийская «Полифоник сайс»), кто-то из бельгийцев сказал мне: «А где же русские? Мы хотели потанцевать с ними!» Но русских, с которыми они могли бы потанцевать, не было, и они танцевали друг с другом...

В Брюсселе, Антверпене, Льеже, Намюре и других городах, где побывали наши молодые люди, дело было организовано несколько иначе. В основу всего было положено именно свободное общение. Конечно, были и заранее намеченные и спланированные мероприятия, встречи, визиты и т. д., так же, как были среди бельгийцев «руководители групп» и другие ответственные лица — но все это был лишь небольшой островок организованного общения в буйном море свободы. Но свободой этой надо было уметь воспользоваться. Утром, встав, выйти из гостиницы на улицу, оглядеться и самому решить: чего хочешь? Вот она, направо, налево, со всех сторон — Бельгия. Знакомься с ней. Ищи, что тебе интересно. Иди один или в группе. Не нра-

[1] *См. об этом «Ровесник» № 1 за 1988 год.*

вится программа, которую предлагают бельгийцы на день,— откажись от нее и создай что-нибудь для себя сам. Или выскажи свои желания бельгийцам, которые часто именно так начинали знакомство: «Чего вы хотите? Куда вы хотите? Что хотели бы увидеть?»

Кое-кому эта свобода показалась хаосом. Ведь мы привыкли иначе: чтобы у нас был руководитель, чтобы он пришел, сказал, повел, велел. А тут руководитель не приходил! Что делать-то? Самому, на свой страх и риск, пуститься в море жизни, отыскивая в нем пути, самому, без опекуна, выйти на улицу Брюсселя и пойти по ней куда хочется? Но страшно ведь! Ведь годами вдалбливали нам: «На улицах западных городов опасно... преступность... возможны провокации... меньше чем по трое не ходить!» И вот то тут, то там слышались охи и вздохи: «Ну и бедлам же у них!» И дальше устало-раздраженно: «Ну и беспорядок!» Но это не был беспорядок. Это была непривычная для нас, новая на вкус свобода. Свобода, в которой легко и приятно чувствует себя тот, в ком есть инициатива,— и в которой страдает и дрожит тот, кто уверовал во враждебность мира. Таких, ждущих «указаний» и порывающихся «давать отпор», было меньшинство. Но они были.

А большинство с радостью и удовольствием приняло предложенные бельгийцами правила жизни. Иди куда хочешь, говори с кем хочешь, о чем хочешь. Двое членов делегации, например, оказались страстными поклонниками Бонапарта — и на свой страх и риск отправились осматривать поле Ватерлоо. Другие — в музей современного искусства. Третьи — в книжный магазин, где продаются книги на русском (потом, в самолете, летевшем домой, я видел, как они, сблизив головы, вместе читают стихи — это был томик Галича). И так по одному, по двое, по трое растекались они по улицам бельгийских городов, и то там, то тут мелькали яркие красно-желто-черные шарфы. И бельгийцы тоже старались помочь этому процессу децентрализации: они разбили делегацию на 68 небольших групп, и группы эти разъехались по городам и городкам Бельгии. Там, в этих городах и городках, небольшая группа в пять-шесть человек дробилась еще мельче — их разбирали по одному, по двое бельгийские семьи. И это еще больше увеличивало степень свободы. И степень ответственности. Мало увидел, ни с кем не познакомился, не задавал вопросов и не предлагал рассказать сам, не рискнул обменяться адресами и пригласить к себе в гости, маялся, не знал, что делать, и в итоге Бельгию не узнал, себя не показал — сам виноват.

Себя показать для многих вообще было трудно. Но не из-за зажатости, страха или внутренней несвободы — тут причина уже другая. Бельгийцы сделали акцент на общение человека с человеком — и казалось иногда, что о тоннах экспонатов, которые привез в своем брюхе Ил, они просто забыли. В гостиницах негде было эти экспонаты развернуть, расставить. В «Аудитории 44» в центре Брюсселя, где проходил открытый для публики советско-бельгийский вечер,— тоже. И оказывалось до поры до времени, что все то, что люди так любовно готовили и везли через пол-Европы (картины, коллекции, модели, видеофильмы, технические экспонаты), день за днем лежало нераспакованным в ящиках и сумках, в картонных коробках и баулах. А ведь все это были не какие-нибудь пустяки — в этой огромной коллекции отражалась и выражалась жизнь страны, поиск и находки молодых инженеров, художников, кооператоров, активистов неформальных движений. И люди, в большинстве своем счастливые возможностью видеть Бельгию и общаться с бельгийцами, были недовольны тем, что в этом спонтанном общении, в потоке встреч, бесед, прогулок, вечеров в ресторанчиках и т. д. так мало места находится тому делу, которым они одержимы у себя в стране и о котором они хотели бы рассказать бельгийцам. Они не хотели воспринимать эту восьмидневную поездку как туристически-развлекательную. Они чувствовали себя посланцами Дела и посланцами тех людей, что хотели бы поехать и рассказать о своих проблемах, но не имеют возможности поехать. «Все, хватит, надоело!» — сказал мне за три дня до конца поездки ярославец, учитель истории СПТУ-21 Олег Калиничев, который привез в Бельгию слайды и доклад об экологическом положении в области. «Завтра кого первого увижу — того возьму и буду ему показывать и рассказывать!» Он измучился и истосковался, ожидая, пока появится кто-то из бельгийских «зеленых»,— а пока принялся за меня. Тревожно глядя мне в лицо, он рассказывал о запустении деревень под Ярославлем, об уменьшении количества коров, об экологических кошмарах и о том, как «экологисты» против них борются. «Я приехал сюда дело делать! — на следующий день, мучимый той же проблемой, возбужденно объяснял мне режиссер Борис, студент ВГИКа.— Не хотелось бы только туристом тут быть». И он тоже яростно и возбужденно рассказывал мне о своем, о том, что накипело в душе и бурлит и жжет: «Фильм! Фильм я хочу сделать! Надо поговорить о нашем времени, о движении, что все слои охватывает. Человек! О нем хочу! Этот человек теряется в нашей перестройке! У него было критическое отношение ко всему, а что ему делать теперь, когда все можно? Не знает, он не знает. Ва-банковая картина!» — оценил он. «Ну а что от бельгийцев надо?» — не понял я. «Как что? Надо переговорить! С людьми из кинофирм. Аппаратуру от них надо. Хочу, чтоб субсидировали. Я им предыдущий мой фильм привез — пусть посмотрят, что умею! Денег много не надо! Я восемь частей предыдущей картины сделал за 7 тысяч 122 рубля, а оценена картина в 536 тысяч!..» Не знаю, удалось ли ему в конце концов показать свою картину и найти бельгийского продюсера для своей новой. Но ярославец Олег Калиничев в конце концов на бельгийских «зеленых» вышел и сумел наладить с ними контакты, которые собирается продолжать напрямую.

Легче всего было артистам. Им не надо было искать, где выступить,— их концерты были запланированы заранее. (Афиши, оповещавшие о том, что в Брюссель прибыли двести семьдесят молодых людей из Москвы, были расклеены по всему городу. На афишах были указаны даты,

часы, адреса, по которым приглашались все желающие пообщаться, посмотреть, послушать. Вход был платный.) Группы «Динамик», «Мастер» и «Рондо» играли вечером в «Аудитории 44». Кузьмин вызвал ту же реакцию, что вызывает в Москве или Челябинске — и среди бельгийцев нашлись истовые поклонники(цы) разукрашенного саксофоном рока, и они прыгали, визжали, кричали, бурно аплодировали и были вполне в восторге (а нелепость и неумелость текстов их не смешила и не отпугивала — русского-то они не знают; впрочем, у нас русский все знают, однако тоже есть поклонники «Динамика», принимающие нелепые и неумело скроенные вирши всерьез). Эту реакцию, впрочем, можно было предсказать заранее. (Тот рок, что мы привезли, можно было бы назвать «имитационным» — весь он построен на имитации чего-то, что на Западе уже было, начиная с музыкальных приемов и кончая манерой поведения музыкантов на сцене. Музыканты имитируют музыку — публика имитирует восторг.) Нельзя было предсказать другого — бурного успеха кукольного театра «Марионетки», например. И никаких особенно сложных или мудрых сцен этот театр не показывал. А просто куклы разыгрывали немудреные сценки: знакомились, танцевали, пели. Особенно хорошо пел огромный (метр девяносто) серый хвостатый бронтозавр на огромных же, перепончатых лапах, с то и дело томно закрывающимися глазами и разевающейся натуралистически-жуткой пастью. Это чудовище, спроектированное руководителем труппы Аркадием Ковтуном, внутри которого скрывался актер Алексей Коровин, неизменно вызывало самый несдержанный, до топота и визга доходящий восторг в зале. Бронтозавр, напевая, ходил меж рядов и периодически разевал пасть и брал в нее чью-то голову. Подержав, выпускал. Я смотрел на бельгийцев — взрослые, серьезные люди, мужчины в строгих костюмах и женщины, надевшие вечерние платья, отцы семейств, так же как их дети — все заливались самым искренним и восхищенным смехом.

Оргкомитет, в который входили представители КМО СССР и «Спутника», готовил восьмидневную поездку 270 молодых людей в Бельгию больше года. Удалась ли поездка? Она безусловно удалась, потому прежде всего, что люди, приехавшие в Бельгию, в большинстве своем были не функционеры, назначенные представлять советскую молодежь, а сама эта молодежь. Она удалась, потому что более чем две сотни молодых людей из трех городов страны впервые в жизни получили возможность увидеть одну из западных стран. Удалась еще и потому, что возникли контакты — не между политиками, не на уровне дипломатов, а между обыкновенными людьми, которые находят общий язык гораздо быстрее, чем дипломаты, пребывающие в плену догм и преодолевающие выдуманные ими самими препятствия. Но эта удача не значит, что все было безупречно. И поскольку опыт организации массовых выездов за рубеж у нас скуден — именно на «узких местах» (выражаясь бюрократическим языком) надо было сосредоточиться, задумывая и осуществляя следующую поездку такого рода. А они нужны, поездки сотен наших молодых людей за рубеж, нужны, чтобы рассеять тот туман (дурман) незнания, в котором мы жили десятилетиями и из которого так легко было нашим политикам, пропагандистам и комментаторам вылепливать устрашающие явления и фигуры.

Только-только «Ровесник» в начале 1988 года рассказал о визите трехсот бельгийцев в Москву, как в редакцию стали приходить письма: «Как принять участие в ответной поездке в Бельгию? Как войти в число тех двухсот семидесяти, что будут представлять советскую молодежь?» Увы, в большинстве случаев наши ответы были неутешительными. Письма шли из Ленинграда, Ферганы, Приамурья, других областей и городов страны, а участники поездки отбирались только в Москве, Ярославле и Новосибирске. Конкурс на участие еще не начался, а большая часть советской молодежи была исключена из него. Целые потоки молодежной культуры (ленинградские «митьки», например) были отвергнуты только потому, что протекают вдали от трех назначенных городов. И лучшие наши рок-музыканты — те, кто не перепевают в тысячный раз Запад, а стараются петь о своей, здешней боли,— не могли принять участия в конкурсе групп (да и не было открытого конкурса): свердловский «Наутилус Помпилиус», ленинградцы Виктор Цой со своим «Кино» и Костя Кинчев со своей «Алисой». Почему так? Боялись ли организаторы поездки, что их погребет под собой поток заявок и предложений со всех концов страны, от тысяч молодых людей, желающих принять участие? Были ли у них трудности с созданием независимых и представительных отборочных комиссий? Возможно. Но для чего нужны нам наши многочисленные горкомы и райкомы, если они не в состоянии организовать отбор максимально демократическим путем?

Был ли действительно отбор участников проведен максимально демократическим путем? Отбор проводили московский, ярославский и новосибирский горкомы. Я спрашивал тех, кто поехал в Бельгию,— знают ли они, почему выбрали именно их? Они не знали. Кто-то услышал объявление о конкурсе по радио, представил проект — потом вдруг получил сообщение, что едет. Кому-то друг сказал, что вот, проводится конкурс идей, он, особенно не надеясь, послал заявку — и тоже выиграл. То есть открытый конкурс идей и проектов был, но победители конкурса определялись закрыто. И это неправильно. Тут, в отборе, мы должны быть особенно чувствительны к гласности и открытости обсуждений, зная, как аппарат десятилетиями по своему усмотрению отбирал «представителей советской молодежи», которые, как и оказывалось на поверку, имели с молодежью мало общего. В этот раз это было не так — молодые люди действительно были молодыми людьми, а не изображающими их чиновниками. Но можно ли поручиться, что три горкома, выбирая втихомолку, выбрали самых талантливых, самых энергичных, самых способных — цвет советской молодежи? Нет, поручиться за это нельзя, покуда отбор проводит аппарат (пусть и несколько перестроившийся) в своих кабинетах, а не независимые общественные комиссии на свету гласности. А без этого — как избежать вольной или невольной лжи?

Ложь слишком долго царила в нашей жизни, чтобы не затронуть и сферу молодежных международных контактов. Точнее сказать — именно в сфере международных контактов ложь в семидесятые годы расцветала особенно пышным ядовитым цветом. Руководители всех рангов — от руководителя страны до руководителя комсомольской ячейки, принимающего сверстников из-за рубежа,— пытались обмануть весь мир (задача, изначально невозможная), демонстрируя достоинства, которых не было, и скрывая недостатки, которые были. Эта ложь — изжили мы ее сейчас? Нет, не изжили. Она проскальзывает в мелочах организации. В подходах. Вот перед отъездом 270 молодых людей в Бельгию им дали попользоваться «спецмагазином»: в нижнем, полуподвальном этаже «Орленка» устроили распродажу югославских свитеров, перчаток, платьев, индийских джинсовых юбок и прочего, что не лежит на прилавке рядового магазина. То есть в Москве или Ярославле вы — наши милые девушки, наши дорогие парни — можете ходить в тусклом тряпье отечественного пошива, и это нас не очень волнует, но, выезжая в Брюссель, вы все-таки приоденьтесь, потому что перед бельгийцами стыдно. А перед самими собой не стыдно?

Опыт ответного визита неоценим для нас, если мы собираемся распахнуть издавна заколоченные двери. А мы, кажется, собираемся. И вот уже возникают новые вопросы — вопросы, задавать которые нас научило знакомство с Бельгией и с тем, как там принимают гостей. В этом году нас ждет новая крупная международная акция — ее проводит датская миротворческая организация «Некс стоп». Несколько сотен молодых датчан приедут в нашу страну. Они хотели бы жить не в отеле, а в семьях, справедливо полагая, что это увеличит их возможности общения и свободу. И это их желание точно соответствует бельгийскому опыту — наши молодые люди тоже жили там в семьях. Исполнится ли желание датчан? Кто и как отберет семьи? Как обеспечить возможность общения с датскими пацифистами каждому желающему молодому человеку и как сделать так, чтобы не остались в стороне от этого неформальные организации, которых тридцать тысяч в стране и которые представляют значительную часть молодежи?

ЗНАКОМЬТЕСЬ: МОЛОДЕЖНЫЙ ЛИДЕР ЗА РУБЕЖОМ

«СТАРЕЮТ-ТО ВСЕ»

Франческа ЛИМАН,
американская журналистка

В 1970-м, когда ей исполнилось шестьдесят пять лет, Мэгги Кан организовала движение «Серые пантеры», призванное объединить молодых и старых в борьбе за свои права. Сегодня в организации — шестьдесят тысяч человек.

В очках, сползших на кончик носа, среди кастрюлек на кухне в одном из старых домов в старом районе Джермантаун в Филадельфии она выглядит как самая обычная старушка, но Мэгги не такова. «Морщинистый радикал» называет она себя.

«В старении нет ничего стыдного,— говорит она.— Стареют-то все...»

В шестьдесят пять ее заставили уйти с работы. С пятью другими пенсионерами она выступила против регламентирующих правил ухода на пенсию. Мэгги создала организацию «Серые пантеры». Движение росло. Оно «объединило молодых и старых в совместной борьбе за лучшие условия жизни, одинаково достойные человека независимо от его возраста».

Мэгги пошел восемьдесят третий, она по-прежнему активна. Сейчас ее занимает жилищный кризис — одинаково острая проблема как для молодых, так и для старых. Я разговариваю с ней у нее на квартире, которую она снимает совместно с двумя другими женщинами, имеющими разницу в возрасте в пятьдесят лет.

— Вы считаете, что в Америке пренебрегают стариками. Почему?

— Все общество ориентировано на конкурентность, прибыльность, ненужные люди выбрасываются, старость понимается как болезнь, если у тебя нет работы, ты — ничто.

Утрачивается историческая перспектива, тут старики могли бы помочь. Мое поколение должно быть услышано: исторический взгляд на вещи, и память, и опыт стариков могли бы сыграть добрую роль в принятии решений.

— За последние двадцать лет как изменилась жизнь стариков в США?

— В некотором смысле улучшилась. Все больше старых людей продолжают образование, осознав, что, приобретая новые знания, они могут приносить пользу обществу. Среди старых американцев растет новая политическая активность, новое сознание: эти люди считают себя не стариками, а активными и творческими членами единого сообщества людей.

— Вы характеризуете «Серые пантеры» как организацию, связующую поколения. В чем эта связь?

— Когда мы создавали организацию, тогда главной проблемой была война во Вьетнаме — общая проблема и старых и молодых. Видите ли, мы не лобби старых американцев. Никогда не были.

— Почему вы обращаетесь не только к старым, но и к молодым?

— Потому что существует постоянная активность сил, настраивающих старых и молодых друг против друга: первые считают, что их вытесняет молодежь, вторые считают, что старые отбирают у них блага. Но это не так: большинство старых людей бедны, особенно женщины.

— Какие общие проблемы у старых и молодых?

— И молодые, и старые — аутсайдеры, вне основного потока жизни, на них не смотрят всерьез. Люди, стоящие у власти, считают, что старые ничего уже не знают, потому что ничего не делают; молодые ничего не знают, потому что молоды.

И старые, и молодые страдают от наркотиков. У молодых и у старых проблема безработицы. Молодым говорят, что у них нет опыта, старикам — что их опыт устарел.

И старые и молодые проходят через большие перемены в жизни: молодые приобретают, старики теряют. И молодые и старые находятся в конфликтной ситуации с одними и теми же людьми: молодые — с родителями, старые —

со своими детьми. И все-таки и молодые и старые свободны в выборе — стать инициаторами перемен в обществе, бороться вместе за установление мира между людьми в обществе.

— Как молодые отвечают на ваш призыв?

— Мы выступаем в кампусах колледжей и видим, насколько нас поддерживают студенты и школьники. В «Серых пантерах» — шестьдесят пять процентов активистов от пятидесяти лет и старше, остальные — молодежь.

— Но люди имеют тенденцию с годами становиться консервативнее.

— Но ведь со мной этого не случилось! С годами я только разъяреннее.

— То есть вы молодеете?

— Я становлюсь свободнее.

— Как вы относитесь к женщинам, предпочитающим жить в роли придатка преуспевающего мужчины?

— А что бы вы хотели? Женщины вынуждены так жить. Чтобы выжить в этом мужском мире, ты должна одеваться как леди, выглядеть как девочка, думать как мужчина и работать как лошадь. Женщина все еще «человек второго сорта».

— Какие главные проблемы стоят перед вашей организацией?

— Сделать доступным медицинское обслуживание. Сократить военные расходы.

— Что тут могут сделать простые люди?

— Как привыкли мы считать, что все решается в Вашингтоне! Но настоящая сила — в корнях, в простых людях. И очень печально, что люди не осознают своей силы.

— Могут ли оказать влияние «Серые пантеры»?

— Мы уже оказываем. Я не стесняюсь привести такой пример: самые разные люди подходят ко мне и говорят: «Вы для меня — образец для подражания».

— Вы не жалеете, что не были замужем?

— Мне повезло: я сильно любила, дважды была помолвлена. Но если бы я вышла замуж, сейчас я это знаю, меня бы постигла неудача. Я встретила одного из моих женихов через пятьдесят лет после той помолвки. Он врач, живет в Лос-Анджелесе. Увидев меня по телевидению, написал в студию, узнал адрес и связался со мной. Я так удивилась: он хотел меня видеть! Когда я приехала в Калифорнию, чтобы выступить там с речью, я побывала у него в гостях. «Знаешь, Мэгги,— сказал он,— ты все понимаешь неправильно. Все неправильно».

— Как ваше здоровье?

— Зрение подводит, болит горло, а так — все отлично.

— Какую эпитафию вы хотели бы иметь на своем надгробном камне?

— Здесь лежит Мэгги — под единственным камнем, который она не попыталась свернуть.

Перевел с английского
В. ВЛАДИМИРОВ

Несколько лет мы спорили о том, является культура товаром или нет. Одни решительно отвергали это предположение, говоря, что пачка сливочного масла и опера «Банк-бан» [1] — вещи несопоставимые и нельзя их ставить в один ряд. Другие утверждали, что можно — ведь душа, как и тело, просит пищи, и если есть спрос, то в общем-то все равно, чем торговать: черным хлебом или книгами. Были и такие, кто не давал категоричного ответа — дескать, продавать нужно, но омлет и Гамлет — далеко не одно и то же.

Дискуссия закончилась миром — каждый остался при своем мнении. Теперь вопрос стоит иначе — жестче, и мы должны спросить себя: а является ли культурой то, что под названием «культура», «искусство» предлагают нам в книжных магазинах, киосках подземных переходов, в театре, кино, по радио и телевидению? Не скрывая волнения, признаюсь: все меньше.

КУЛЬТУРА ЛИ ЭТО?

Имре МАДЬЯРИ,
венгерский журналист

Не нужно быть особенно проницательными, чтобы заметить, как много вокруг нас глупости, безвкусицы, «мусора культуры». Роботы-убийцы, Индиана Джонс, непобедимый Вутанг, музыка, что гремит на свадьбах, бездна поверхностных интервью, псевдосоциологических исследований и прочее, прочее, прочее. Всему есть причины, попробуем отыскать их и для этого явления.

Почему предприятия и учреждения культуры участвуют в этой не слишком чистой игре — понятно. Нужна прибыль, и предпочтение отдается ходкому товару, хотя бы потому, чтобы было из каких средств поддерживать создание произведений более ценных, но, к сожалению, не столь популярных. Возникает совершенно идиотская ситуация, когда издательству или фирме грампластинок приходится выполнять задачи, противоречащие одна другой. Свою роль в этом «спектакле абсурда» играют и авторы-творцы кича [2]. Меньшей кровью заработать больше денег — против этого соблазна трудно устоять, особенно если у тебя семья, срочно нужен дом и хочется машину. И вот начинается закабаление самого себя — известные писатели берутся за журнальные «пустячки» о том о сем, а талантливые артисты развлекают посетителей ночных кабаре. Все это не проходит «безнаказанно»: нельзя ведь без ущерба для себя до обеда интервьюировать хорошенькую, но пустоголовую певичку, а после — писать философскую работу о роли «эстетической стадии» в формировании воззрений Кьеркегора [3]. Кроме того, начинает мучить совесть — работаешь-то ниже своих возможностей! Но нужны деньги... и мы не вправе судить строго тех, кому они в самом деле нужны.

Конечно, совесть терзает не всех. У его величества «халтуры» достаточно благоверных подданных. Найти скандальную тему, выбрать мало-мальски популярный ансамбль — и в две недели книга готова. Или вот еще один проверенный способ: найти двух музыкантов, уверенно отличающих барабан от фортепиано, усадить рядом с микрофоном и затянуть что-нибудь кисло-сладкое о бледной астре (по рейтингу «поэтичности» растений на этом же уровне у нас стоит горная лаванда.— Ред.), которая, боюсь, не увянет и через тридцать лет...

Итак, кое-что мы выяснили. Сложнее ответить на вопрос: почему эта и ей подобная ерунда пользуется спросом, почему мигом раскупается вздорная книжка, почему давятся в очередях за очередным образчиком кича?

ПЛОХОЕ НАСТРОЕНИЕ И БЕСКУЛЬТУРЬЕ

Ситуация в обществе — его политическое, экономическое и духовное состояние — в большей или меньшей степени определяет настроение людей, в нем живущих. Естественно, расположение духа «временно безработного» металлурга в Озде не сравнить с настроением преуспевающего владельца собственного магазина в центре столицы, поэтому лишь в общих чертах можно охарактеризовать атмосферу, царящую в стране, умонастроения людей. Самочувствие общества так или иначе зависит от того, хорошо или плохо работает транспорт, от того, как обстоит дело со снабжением, здравоохранением, образованием, растут или падают цены (попробуем представить и это). Мало кто живет лишь сегодняшним днем, потому людям важно видеть и направление общественного развития, знать, хотя бы приблизительно, что будет завтра, послезавтра, через 10 лет. («Синдром звонка» — к счастью, это выражение, бытовавшее много лет назад, сегодня мало что говорит нынешнему молодому поколению, которому нечего бояться внезапных ночных звонков в дверь.)

Плохое настроение у каждого в отдельности и у всех вместе — значит, люди постоянно взвинчены, напряжены. Чем труднее переносить неурядицы, тем больше потребность в разрядке, в бегстве от житейских забот. Эту потребность может утолить алкоголь, может и кич — а то и оба средства вместе, стоит только заглянуть в дешевый ресторанчик часам к девяти вечера. Фильмы ужасов и ужасы фантастики в определенной степени тоже действуют успокаивающе: там-то вообще головы откусывают, так что у нас тут еще цветочки. Такой фильм снимает напряжение дня на два. Вот и ладно, может, это и есть рецепт панацеи — смотреть через день что-нибудь типа «Зомби»? Хорошо успокаивает и ритмичная песня о кружевной детали женского туалета. Под нее можно отключиться или, модно говоря, «отстегнуться». Это выражение здесь тоже уместно.

Неважное общественное самочувствие усугубляется отсутствием привычных исчерпывающих ответов, четких определений и установок — что правильно, а что нет, что хорошо, а что плохо, кому верить, во что верить... В таких условиях сложно ориентироваться самому. Кич дает простую и удобную картину мира, в котором все ясно, вплоть до замыслов инопланетян. Этот персонаж добрый, и, стало быть, положительный, тот — злой, у третьего за грубостью стыдливо прячется благородство, добродетель непременно будет награждена, он и она найдут друг друга. Такое и читать приятно, а видеть воочию, пусть и на экране, тем более.

На настроение наше влияет и то, насколько мы знаем, что происходит вокруг, что творится с нами. Не случайно то и дело появляются книги, паразитирующие на дефиците информации. Судя по названию книги, мы можем узнать из нее что-то новое о чем-нибудь очень важном. А вот поди ж ты — ничего там и нет, но выясняется это лишь после того, как залпом проглотишь все это «варево». Уже в том, что книжки частных издательств продаются в подземных переходах, чудится некая пикантность, намек на «андерграунд» [4] — ага, в другом месте не разрешили, наверняка есть в них что-нибудь «эдакое». Часто сама покупка такой книги тешит наше самолюбие, поднимает престиж в собственных глазах, и на людях мы норовим небрежно раскрыть ее, естественно, дав возможность окружающим прочесть название.

Конечно, человек и в плохом настроении может в поисках утешения и для того, чтобы рассеяться, обратиться к Томасу Манну, Бергману или Бартоку. Большинство же людей предпочитают в этом случае кич и делают свой выбор из-за недостатка эстетической культуры или вовсе из-за ее полного отсутствия.

Для восприятия настоящего искусства требуется, кроме чуткости, еще и определенная подготовка. Ведь иноязычный текст мы понимаем лишь в том случае, если изучили этот язык — иначе текст останется для нас бессмысленным набором букв, тарабарщиной. Точно так же многим кажется какофонией музыка Бартока, и потому, услышав ее в который раз, но не вникнув, щелкают переключателями в поисках чего-нибудь полегче и повеселее.

Анализ причин эстетического бескультурья увел бы нас слишком далеко от темы, поэтому буду максимально краток: одна из причин кроется в том, что гуманитарные науки и искусства оттеснены на задний план науками естественными. Добавлю к этому, что и сегодняшняя ситуация в обществе не очень-то побуждает к освоению знаний, ведь от их уровня мало зависит продвижение по службе. В житейском плане знакомства явно выгоднее настоящих знаний.

С полным правом мы можем обрушиться на систему образования, которая не в состоянии пробудить интерес к искусствам у учеников и не готова развивать в них способности, необходимые для восприятия искусств. Нелюбовь к школе автоматически переносится на учебный материал, который включает произведения классиков.

НУЖНО ЛИ БИТЬ В НАБАТ!

Вокруг нас все больше глупости и кича — говорили мы вначале. Это правда. Но не стоит огульно обзывать кичем все то, что не является высоким искусством, все из того, что продают в подземных переходах и предлагают в кабаре. Никто не утверждает, что детективы или фантастика безоговорочно плохи. Плохо, если они будят агрессивные инстинкты, но кто поставит в упрек этим жанрам такие качества, как занимательность, острый, подчас головоломный сюжет, требующий от читателя или зрителя умения мыслить логически? Точно так же никто не отрицает, что и эстрадная песня может быть красивой и свежей. Беда начинается, когда жанры эти переоценивают и замыкают-

ся в их довольно узких рамках, ограничивая и обирая самих себя.

Не будем требовать невозможного! Уровень эстетической культуры очень низок, но мы и не рассчитываем, что когда-нибудь все будут читать Гёте в подлиннике и в очередях за книгами до хрипоты спорить о том, какой том «Фауста» сильнее — первый или второй. Это картина, далекая от реальности,— наивная утопия поголовного интеллектуализма.

Судить о людях не по одежке, а по уровню образования — другая крайность. Обе, кстати, присущи не слишком интеллигентным людям. Образованность, хорошее знание своего дела важны, даже гораздо важнее, чем принято думать сегодня, но они не связаны напрямую ни с этикой, ни с подлинной интеллигентностью.

Для чтения, походов в театр и тому подобного нужны желание, время и деньги. Один из венгерских классиков сказал: «...стихов народ по преимуществу не читает, у него масса других дел — и ныне и присно и во веки веков». Трудно сказать, чего больше в этих словах: аристократического пренебрежения или горькой правды. Ведь действительно мало читает! Уж насколько небольшими тиражами выходят новые романы и томики стихов, а почти все остается на полках магазинов. Как мало людей, способных зажечься от проникновенного спектакля, от прекрасного фильма. Это ненормально! Надо выбираться из этой ситуации. Человеку нужна душевная чуткость, чтобы отличать добро от зла, человек должен жаждать красоты и замолкать при звуках поэтической лиры.

Цель вроде бы ясна — но кто поможет человеку стать совершеннее? Школа, образование... опять вся надежда на них?

Будем бить в набат. Важно только не переусердствовать и не заглушить голос рассудка...

Перевел с венгерского В. ШУТОВ

[1] *Опера венгерского композитора Ференца Эркеля (1810—1893).*

[2] *Кич — от немецкого «Kitsch», «подделка, халтура». В 60-е годы в СССР термин «кич» получил расширительное толкование, порой и теперь он неправильно употребляется в значении «непонятное, ненужное искусство».*

[3] *Серен Кьеркегор (1813—1855) — датский теолог, философ, писатель.*

[4] *«Андерграунд» — дословно «подполье» (англ.), как правило, синоним не признанного официально направления искусства.*

Открытие Пхеньяна

— Ряд молодежных организаций не поддержал идею проведения фестиваля в КНДР. Почему?

— Такое не впервые в истории фестивального движения. Кому-нибудь обязательно не понравится, что фестиваль будет именно в этой, а не в другой стране. Но других альтернатив Международному подготовительному комитету (МПК) предложено не было.

— И все-таки?

— Понимаешь, из разговоров с людьми, которые не поддержали выбор места проведения фестиваля, я сделал вывод, что главная причина — попросту незнание Северной Кореи и, как следствие, недоверие к ней. К сожалению, даже книги, написанные корейскими авторами или друзьями КНДР, как правило, не дают объективного представления.

Я побывал в Корее в составе группы журналистов из девяти стран. Мы увидели много такого, что нас удивило, что-то нам понравилось, что-то нет, мы не всегда разделяли политические и идеологические точки зрения наших хозяев, но мы научились с пониманием и уважением к ним относиться. А случалось, что некоторые вещи оказывались выше нашего понимания.

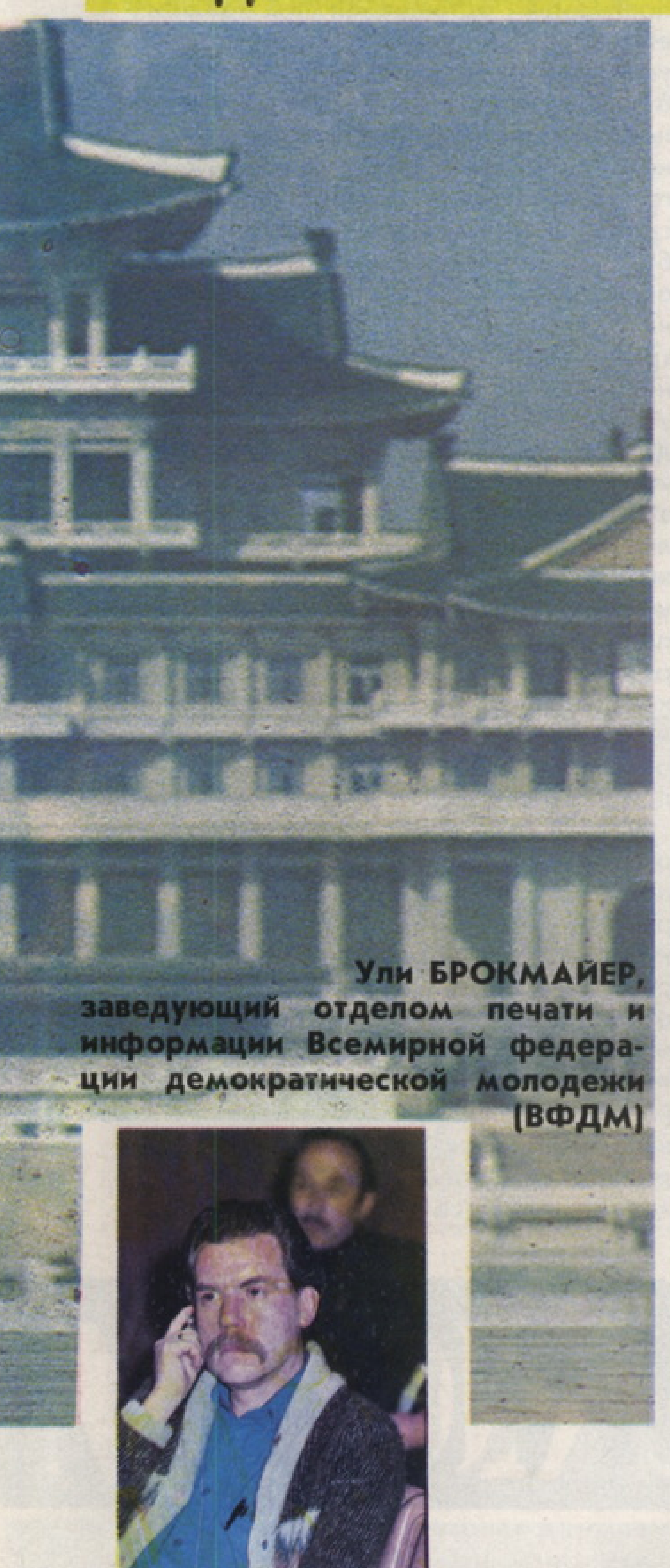
— Например?

— Например, почти все корейцы носят значки с изображением Ким Ир Сена. Его портреты можно увидеть всюду. Меня поразил Пхеньян. Такое впечатление, будто городом управляет общество охраны окружающей среды. Автомобилей почти нет (кстати, нет и светофоров, вместо них всюду молоденькие уличные регулировщицы). Самый чистый город, какой я когда-либо видел!

Метро напоминает московское: станции тоже как дворцы. А нас в метро воспринимали с таким детским удивлением! Ведь корейцы привыкли видеть иностранных туристов разъезжающими на государственных автомобилях или спецавтобусах. Нам даже уступали места в вагонах.

С другой стороны, проблемы, которые стоят перед корейцами, очень и нам знакомы: жилищный вопрос, проблема досуга и нехватка качественных товаров. Правда, продовольственные и другие товары распределяются по карточной системе.

— По-видимому, не наличие этих

Ули БРОКМАЙЕР, заведующий отделом печати и информации Всемирной федерации демократической молодежи (ВФДМ)

проблем определяет негативную позицию тех, кто высказался против проведения фестиваля в КНДР? Какой аргумент был главным?

— Перед поездкой нам часто приходилось слышать такую формулу — «закрытое общество». Там нельзя даже свободно прогуляться по улицам, говорили нам. Насчет «закрытости» верно то, что из Северной Кореи почти невозможно позвонить за границу: система телефонной связи не отвечает международным стандартам. Но, скажу откровенно, мы много раз покидали отель без сопровождения переводчика и фотографировали все, что хотели. Правда, иногда к нам подходили жители и просили не фотографировать: на их взгляд, выбранный нами объект съемки был недостаточно красив: скажем, дом ремонтировался. Вместо него нам предлагался вид отеля или театра.

Корейцам хочется представить свою страну иностранцам в наилучшем виде. Когда мы увидели несколько пьяных, спавших на улице, наши гиды безутешно расстроились. А ведь было воскресенье — единственный у корейцев выходной день — и притом был национальный праздник.

— Насколько общительны молодые корейцы?

— Большинство корейцев, с которыми я познакомился, на мой взгляд, просто не привыкли разговаривать с иностранцами. Но если с одним и тем же человеком встретиться несколько раз, интересно наблюдать, как постепенно он расковывается. Думаю, фестиваль поможет корейцам освободиться от непривычки общаться с людьми из-за границы.

— Хотят ли этого сами корейцы?

— О, я заметил у корейской молодежи большой интерес к тому, как живут люди за рубежом, их очень интересует зарубежная культура. Например, там по радио вы не услышите никакой рок-музыки, но у многих есть кассеты с записями рок-групп. Когда я спрашивал у корейских знакомых, как они относятся к тому, что с фестивалем в их страну нагрянет масса иностранных рок-ансамблей, мне говорили: «Очень хорошо. У нас есть стадион на сто тысяч зрителей». Если учесть, что иностранных гостей приедет двадцать тысяч, значит, остальными зрителями будут корейцы.

То есть я хочу сказать, что Северная Корея вовсе не «закрыта» для иностранцев — она еще не открыта ими. Многие ли знают, что в этой стране, помимо коммунистической партии (Трудовая партия Кореи.— Ред.), существует и демократическая. Кроме того, действует христианская (партия Чхондогё чхонудан — Партия молодых друзей религии небесного пути.— Ред.), с генеральным секретарем которой мы, кстати, встречались и откровенно беседовали.

Думаю, для тех, кто не поддержал идею проведения фестиваля в КНДР, будет хорошим уроком все-таки приехать и увидеть страну самим. И пусть на месте высказываются обо всем, против чего они возражали.

— А как к этому отнесутся хозяева фестиваля?

— Я уверен, что каждый делегат будет иметь возможность открыто высказываться без всякого ограничения со стороны хозяев... Ну, что ты все о Корее? Ведь фестиваль всемирный.

— Хорошо. Что нового внесет в фестивальное движение XIII Всемирный?

— Я бы не сказал «нового»... Конечно, этот фестиваль будет первым на Азиатском континенте, но структура его проведения в основном останется прежней... Есть одна мысль, наверное, почти у каждого члена МПК: фестиваль в Москве показал, что слишком большое количество мероприятий не идет на пользу делу. Множество мероприятий проводилось одновременно в разных местах, и это внесло сумятицу в работу делегаций. Для фестиваля в Пхеньяне мы надеемся выработать более отлаженную программу. И потом — помнишь? — в Москве многие не могли попасть на фестивальные мероприятия. Перед нашим клубом ГДР всегда стояла толпа желающих войти, но они не могли, так как не обладали счастливыми пригласительными билетами. В Пхеньяне мы постараемся не допустить подобного положения.

При этом мы как можно активнее будем использовать опыт прежних фестивалей.

— Конечно. Но в разговорах с другими представителями молодежных организаций я не раз слышал мнение о необходимости перестройки структуры фестивального движения?

— Думаю, такая перестройка не должна идти вразрез с традициями фестивального движения. Мы считаем, фестивальный лозунг необходимо оставить без изменения. Ведь не только движение за мир, налаживание дружеских связей между молодыми людьми разных стран — сегодня получившие такую популярность благодаря изменению политического климата,— но и антиимпериалистическая солидарность по-прежнему являются главными направляющими наших действий.

Вспомнить, например, фестиваль 1953 года, проходивший в моем родном Берлине. Тогда самым жгучим был вопрос солидарности с народом Северной Кореи, где шла война, американские самолеты бомбили корейские города. Знаешь, в музее в Пхеньяне я видел фотографии этого города в 1953-м. На фотографиях я не нашел ни одного уцелевшего дома. На город с 400 000 жителей было сброшено 420 000 бомб!

А дома среди бумаг у меня до сих пор хранится газетный снимок тех лет: мы, дети, упаковывали посылки для корейских ребят, отправляя им наши даже самые любимые игрушки.

На фестиваль в Берлин приехала большая делегация из Северной Кореи. Корейцы были героями фестиваля! Уверен, международная солидарность помогла Северной Корее выстоять в той войне. А теперь Северная Корея принимает у себя фестиваль — других героев из других стран. Понимаешь? Это передается фестивальная эстафета солидарности!

А что касается перестройки фестивального движения, то действительно, на третьем заседании МПК, состоявшемся в Берлине, мы провели первый раунд обмена мнениями: какие новые формы ввести, как расширить наше движение? Мы поняли, что уже сейчас нужно думать о будущем фестивалей. Речь не идет о предстоящем фестивале: тут у нас слишком мало времени. Но для XIV Всемирного нужны новые идеи. Кстати, а почему бы твоему «Ровеснику» не кинуть клич: ищем новые идеи? Их можно было бы обсудить уже в Пхеньяне.

Интервью вел В. ГАВРИЛОВ

Фото Е. СТЕЦКО и А. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

МОНТАНА. ЛЮДИ

Билл ШО,
американский журналист

Она не только президент колледжа — еще она преподает математику, психологию, учит писать сочинения; она подвозит учащихся в плохую погоду; она подметает спортзал после собраний племени. Ей платят 24 тысячи долларов в год, но часть она отдает на нужды колледжа: «Мне стыдно получать такие деньги, другие тоже работают, и не меньше, чем я», ее зовут Жанин — Болтливый Парень, ей 40 лет, она разведена, мать двоих детей. Жанин — Болтливый Парень — президент колледжа Маленький Толсторог в резервации племени кроу, штат Монтана. «Я могла бы зарабатывать вдвое больше, если б решила уйти из резервации, ведь федеральное правительство поощряет корпорации, если те участвуют в различных «положительных социальных программах». И корпорации невероятно гордятся, когда в списке сотрудников числятся образованные, «интегрированные в обществе» индейцы. А тут еще и женщина! Но никакой морковкой меня отсюда не выманить. Потому что это самая важная и нужная работа, которую могла дать мне жизнь».

Двести лет назад кроу были гордым племенем, но белые продвигались на запад, они вспахивали землю, они перебили бизонов, они охотились на индейцев, и кроу подчинились мысли, что выжить им удастся, только заключив мир с захватчиками. В 1851 году вожди кроу подписали первый договор в форту Ларами, они обещали не выступать против белых, в обмен им отдавали 38,5 миллиона акров земли (это почти половина территории, которую сейчас занимает штат Монтана). «Когда война кончится,— сказал вождь Точный Удар,— белые вожди вспомнят, как мы им помогали».

Но белые, конечно же, об этом забыли, и в течение последующих ста с лишним лет люди кроу потеряли 36,3 миллиона акров дарованной им земли. Ее захватили не брезгующие никакими средствами владельцы ранчо, горнодобывающие компании и правительственные агентства. Сегодня люди племени кроу — шесть тысяч человек — живут на оставшихся им горах и в холмистых прериях на юго-востоке Монтаны. Люди, которых белые генералы Льюис и Кларк называли «лучшими всадниками мира», живут в покосившихся, полуразвалившихся домиках, подаренных им американским правительством, живут на пособие и продуктовые карточки. 70 процентов людей кроу — безработные; средний годовой доход составляет 3 тысячи долларов. И хотя государство открыло в резервации 400 рабочих мест, до самого недавнего времени кроу могли рассчитывать только на работу кухарками, официантами, продавщицами, заправщиками на существующих здесь 11 заправочных станциях, в 10 придорожных кафе и 11 лавчонках.

Государством подсчитано, что кроу могли бы избавиться от нищеты — ведь в землях их сокрыты уголь, нефть, газ на 26,7 миллиарда долларов. Но кроу не хотят уходить с этой последней оставшейся им земли — впрочем, землю эту могут у них украсть, как это уже случалось. И тогда белые люди понаставят на земле кроу нефтяных вышек, пророют ее шахтами, истопчут своими тучными стадами. Сегодня кроу считают, что они могли бы снова попытаться найти общий язык с белыми — в этом им может помочь образование. Но ближайший колледж находится в Биллингсе, а это почти что триста километров от административного центра резервации, с таким же успехом этот колледж мог бы находиться на другом конце планеты. У кроу почти мистическое чувство привязанности к своей семье, общине и земле. А те несколько «счастливчиков», которым удалось посещать колледж, учились белым ценностям белого мира под руководством белых профессоров. И перед кроу стоит дилемма: как получить образование, необходимое для того, чтобы совладать с миром, предложенным белыми, сохранив при этом свое достоинство и наследие.

В 1978 году совет племени кроу обратился к федеральным властям с просьбой помочь организовать на территории резервации двухгодичный колледж, в котором индейцы могли бы, с одной стороны, постигать знания, необходимые для жизни в современном мире, а с другой, изучать свою культуру. (До принятого в 1978 году «Закона о контролируемых племенными советами индейских колледжах» на территориях резерваций существовали только либо созданные правительст-

вом школы с «белыми» программами и белыми учителями, либо школы, которые возглавляли религиозные группы.) Прошло десять лет, и теперь колледж Маленький Толсторог — один из 20 подобных индейских колледжей в стране, выпускники которых получают степени «прослушавших неполный курс» по девяти специальностям. Ежегодный бюджет колледжа 400 тысяч долларов (большая часть средств поступает из правительственных субсидий), на территории кампуса — перестроенное в соответствии с федеральными требованиями здание и три превращенных в дома трейлера. Здесь нет кафетерия, комнаты отдыха для учащихся и центрального лекционного зала. Физико-химическая лаборатория расположена в бывшей душевой. Единственный вид «внеучебной деятельности» — баскетбол, но потолок в гимнастическом зале такой низкий, что студенческой команде приходится тренироваться в зале местной средней школы. Колледж располагает одиннадцатью компьютерами системы «Тэнди-1000», шестью микроскопами, пятью диктофонами, аквариумом, центрифугой и термостатом.

КРОУ

Большинство предметов преподаются на языке кроу (основном языке для 85 процентов населения резервации). В дополнение к таким традиционным для любого колледжа курсам, как математика, экономика, статистика, социология, психология и журналистика, студентам предлагают практические курсы — планирование семейного бюджета, оказание первой медицинской помощи, принципы семейной педагогики, плотницкое дело и сварка. Но наиболее популярны среди студентов специальные курсы по культуре кроу: литература кроу, танцы кроу, история вождей кроу, курс «Индейское самосознание».

И все же самые главные уроки не перечислены в официальном списке. «К тому времени, когда детям индейцев приходит пора идти в старшие классы, белые учителя уже успевают вбить им в голову, что они не способны к академическим занятиям и что им лучше бы учиться в профессионально-технических школах,— говорит преподаватель естественных наук Боб Мэдсен, единственный белый из четырех штатных профессоров этого факультета.— И в результате мне приходится преодолевать у моих студентов предубеждение против самих себя. Они говорят: «Я не смогу сделать то-то и то-то». А я говорю: «Нет, можете», и они делают! Я вижу, как медленно, постепенно растет их самоуважение и вера в свои силы. У меня были студенты, которые поначалу не могли складывать простые числа, а к окончанию колледжа овладевали дифференциальным исчислением».

В колледже Маленький Толсторог учатся 150 человек, и жертвы, приносимые ими ради знаний, неведомы обычным студентам. Средний их возраст — 29 лет, большинство вынуждено совмещать занятия с воспитанием детей, с хоть какой-никакой, а работой. Лишь немногие имеют собственные автомобили, и большинство добирается каждый день автостопом — некоторым приходится преодолевать сто с лишним километров в один конец. Это особенно тяжко зимой, когда температура падает до 40 градусов ниже нуля. «Когда я была замужем, мой муж и слышать не хотел о том, чтобы я работала или училась,— говорит Реджина—Большая Колыбель.— Но когда он бросил меня и я попыталась устроиться на работу, я поняла, что без знаний и навыков меня никто никуда не возьмет. Я пошла учиться».

Реджине 30 лет, она живет вместе с родителями и шестилетним сыном неподалеку от городка Лодж Грасс. Реджина встает в шесть утра, кормит завтраком сына, автостопом преодолевает 60 километров до колледжа Маленький Толсторог, где учится на программиста. «Впервые я увидела компьютер в прошлом году»,— вспоминает Реджина, студентка второго курса, которая мечтает стать банковским служащим племени. После занятий она остается делать домашнее задание — пока не освободится кто-нибудь из попутчиков, чтобы отвезти ее домой. Домой она приезжает в девять вечера. Целует уже спящего сынишку — и снова за уроки. «Порой я так устаю, что не могу подняться утром, но сын толкает меня: «Мама, тебе пора в школу!», и я встаю и иду».

Гордону—Схвати Землю 27 лет. В детстве он перенес полиомиелит, и ноги его почти не слушаются. Он окончил среднюю школу, а потом... пил. А что еще ему оставалось делать? И вот както летним утром два года назад он проснулся и решил, что время настало: надо либо изменить свою жизнь, либо умереть. Он записался в колледж и тоже начал изучать программирование. Когда Жанин—Болтливый Парень сказала, что ему стоит баллотироваться в президенты студенческого совета, Гордон лишь пожал плечами: «Да вы что, смеетесь? Я — спившийся калека». Он победил с перевесом в один голос. «И тогда я понял, что я чего-то стою». Гордон, как и многие другие студенты колледжа Маленький Толсторог, собирается после окончания поступить в четырехгодичный колледж, чтобы получить полное образование. «Они всегда старались отобрать у нас все. Но наши знания они отобрать не смогут».

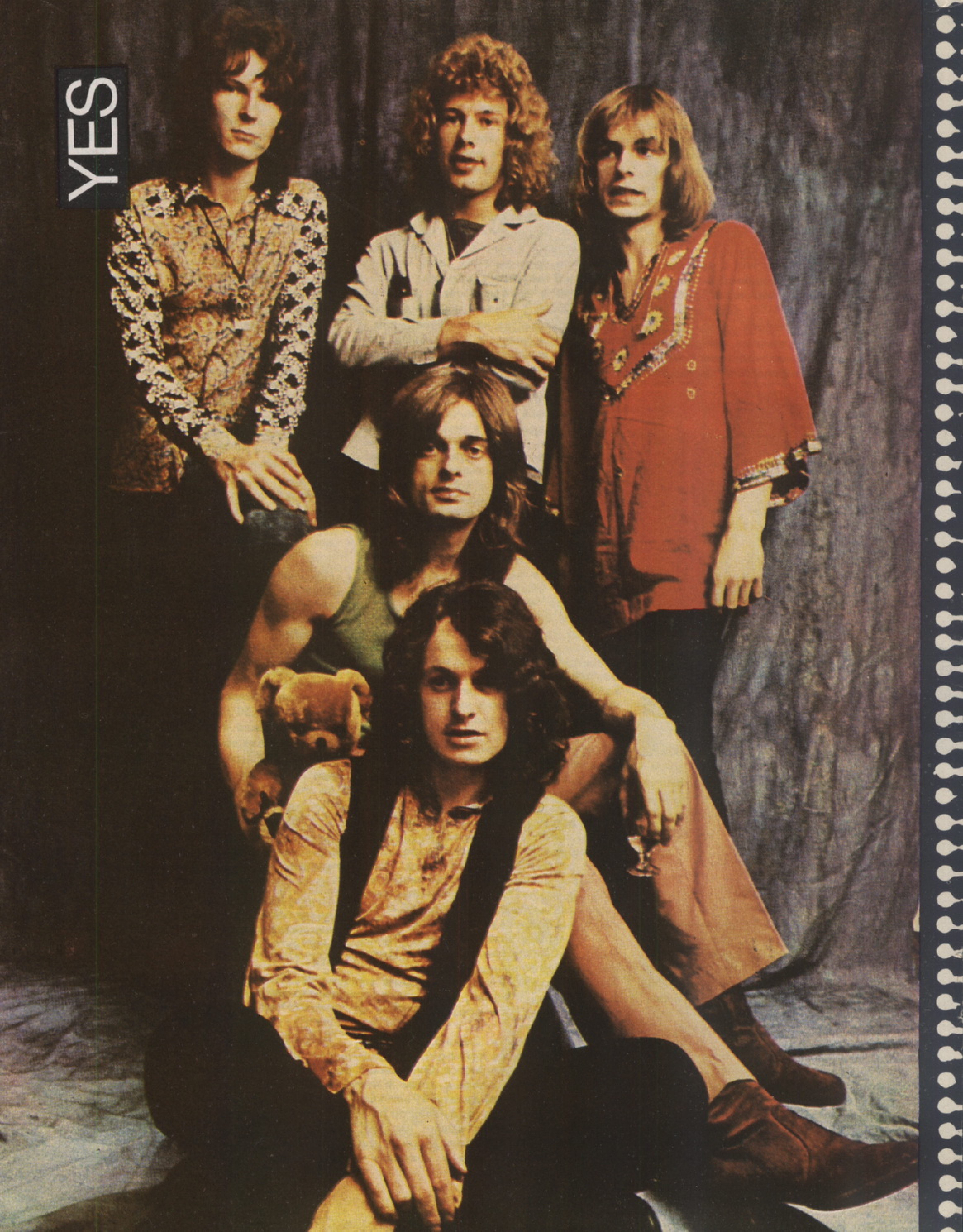
Генри—Вольной Птице 39 лет. Это одаренный человек с университетским образованием. Долгие годы он слонялся без дела в резервации, пока к нему не пришла Жанин—Болтливый Парень. Она сказала: «Бросай-ка пить. Ты будешь преподавать в нашем колледже». И сейчас его курс «Искусство кроу» — самый популярный. «Я дал им то, чего они никогда не имели. Я дал им самих себя. Течение уносило наш народ все дальше и дальше. А сейчас мы можем вернуться к истокам».

В 1876 году добровольцы из племени кроу провели сквозь Монтану 650 солдат Седьмого кавалерийского полка под командованием подполковника Джорджа Кастера, что помогло подполковнику избежать столкновения с трехтысячным войском сиу и чейенов, которые засели в долине Маленький Толсторог. Сегодня трое из племени кроу работают экскурсоводами — они сопровождают туристов к монументу, воздвигнутому в честь побед Кастера. Туристы в основном белые, и в год их бывает до 250 тысяч.

У подножия холма находится офис председателя совета племени кроу Ричарда—Вольной Птицы. «Колледж — это самое главное, чего мы добились за последние тридцать лет,— говорит Ричард.— Наконец-то мы делаем чтото, чтобы подготовить наших детей к будущему, к защите нашего будущего. Нам приходится иметь дело с семьюдесятью двумя штатными и федеральными управлениями, и до тех пор, пока наш народ не получит должного образования, мы не можем полагаться на рекомендации и советы белых. Следуя их советам, мы потеряли почти все».

На стене офиса висит портрет его прапрадеда, вождя Вороны—Врачевателя. И когда Вольной Птице трудно, он смотрит на портрет. «Я закрываю дверь и спрашиваю его, как бы он поступил в таком случае. В свое время, чтобы защитить наш народ, он вел воинов на бой с врагами. Теперь мой черед защищать народ кроу. И эта защита — в знаниях».

Перевел с английского
В. ЛИПАТОВ

YES

«GOLDEN EARRING» («Гоулден нэрринг»), группа «Золотая серьга» образовалась в 1962 г. в Нидерландах.

Исходный состав: Георг Кооймакс, гит., вок.: Ринус Герритсен, бас, клав., гармоника; Барри Хей, вок., флейта, сакс.; Цезар Зуидервийк, уд.

В 1964 г., когда музыканты «Г. и.» еще учились в школе, группа записала песню «Please Go», которая попала в отечественный хит-парад. До 1968 г. «Г. и.» исполняли так называемый баббл-гам-рок, т. е. простые слащавые песенки, рассчитанные на молодежную аудиторию. В конце 60-х стиль «Г. и.» изменился, по звучанию это уже был самый настоящий хард-рок.

Первые гастроли по США (1968 г.) прошли незамеченными, но в 1972 г. успех песни «Back Home» стал залогом триумфального европейского турне «Г. и.» вместе со знаменитыми «The Who», после чего группа стала популярной в Англии.

В 1973 г. «Г. и.» записали альб. «Лунный загар», и одна песня из него, «Radar Love», достигла 13-го места в амер. хит-параде — это максимальное достижение за всю историю группы.

В 80-е гг. манера «Г. и.» практически не изменилась, хотя в отдельных композициях появились элементы техно-рока и ритмические ходы, характерные для «новой волны».

Пл.: Just Earring, 1964; Winter Harvest, 1966; Miracle Mirror, 1967; On the Double, 1968; Eight Miles High, 1969; Golden Earring, 1970; Sing My Song, 1971; Seven Tears, 1971; Together, 1972; Best of Golden Earring, 1973 (сборник); Hearing Earring, 1973 (сборник); Moontan, 1973; Switch, 1975; To the Hilt, 1976; Mad Love, 1977; Golden Earring Live, 1977 (2LP — Live), Contraband, 1977; Story of Golden Earring, 1977 (2 LP — сборник); Portrait of Golden Earring, 1977 (сборник); Grab It for a Second, 1979; No Promises, No Debts, 1979; Prisoner of the Night, 1980; Long Blond Animal, 1980; Second Golden Earring Live, 1981 (Live LP); Cut. 1982; N.E.W.S., 1984; Stop-p! 1986 (сборник).

Изменения состава: 1974 + Зелко Геллинг, гит., + Пат Паай, вок.; 1977 — Паай; 1978 — Геллинг.

«GONG». Группа «Гонг» («Гонг» — зд. несуществующая планета) образовалась в 1970 г. во Франции.

Исходный состав: Дэвид Аллен, гит.; Жиль Смит, вок.; Дидье Малерб, сакс., флейта; Кристиан Трич, бас, гит.; Пип Пайл, уд.; Лурье Аллен, уд.; Стив Хиллидж, гит.; Франсис Бэкон, вок.

Лидер и основатель группы Д. Аллен — бывший австралийский битник. В 1966 г. он окончил Кентерберрийский колледж искусств (Англия) и присоединился к ныне легендарной англ. группе «Soft Machine» (позже он некоторое время сотрудничал с группой «Caravan»). После окончания первых гастролей Аллен обосновался во Франции и до 1969 г. издал несколько сборников своих стихов. Тогда же он выступал с вокалистом Дж. Смитом.

К 1970 г. дуэт превратился в группу «Г.» — с самого начала «Г.» стали исполнять очень сложные композиции, в которых в равной степени присутствуют элементы арт-рока, джаза, западноевропейского фольклора, фоном для которых служат эффектные синтезаторные импровизации. В текстовом отношении композиции «Г.» представляют собой нечто среднее между поэзией битников и «мифологией» хиппи, по сей день являясь одним из лучших образцов стихосложения в рок-музыке.

В 1974 г., после того как Д. Аллен начал сольную карьеру, лидером группы стал барабанщик Пьер Мёрлан, выпускник Страсбургской консерватории — под его влиянием «Г.» постепенно перешли к более традиционному джаз-року с мощными ударными. В этот период группу покинул гитарист Хиллидж, на некоторое время появились Мик Тейлор (ранее «Роллинг стоунз») и Майк Олдфилд (в «Г.» он выполнял функции гитариста). К 1977 г. из первоначального состава остался лишь Д. Малерб.

В конце 1977 г. к группе вновь присоединился Д. Аллен, а также гитарист-виртуоз Аллан Холдсуорт, известный по своей работе с группой Тони Уильямса «Lifetime». В конце 70-х каждый член группы выпускал сольные альб., часто под названием «Г.»; в 1980 г. по взаимному согласию группа была распущена, а ее название изъято из употребления. Творчество «Г.» оказало огромное влияние на всех современных исполнителей, работающих на стыке джаз- и авангардного арт-рока.

Пл.: The Flying Teapot, 1973; Angel's Egg, 1973; Continental Circus, 1974; Camembert Electrique, 1974; You, 1974; Shamal, 1976; Gazeuse!, 1977 (в США вышла под названием Expresso); Live, 1977; Magick Brother, 1977; Gong Est Mort, 1977 (2LP); Expresso 2, 1978; Downwind, 1979; Time is the Key, 1979; Pierre Moerlen's Gong Live, 1979 (Live LP); Leave It Open, 1981.

Состав на момент распада: Д. Малерб; П. Мёрлан; Хэнни Роу, бас; Франсуа Шос, уд.; Бенуа Мёрлан, уд.; Брайан Холдуэй, гит.; Чарлз Мариано, сакс.

«GRAND FUNK RAILROAD». Группа «Гранд Фанк Рейлроуд» (это название старой узкоколейной ж.-д. ветки в шт. Мичиган) образовалась в 1968 г. в США.

Исходный состав: Марк Фарнер, гит., вок., клав., гармоника; Мел Шачер, бас; Дон Брюер, уд., вок.

«Г.Ф.Р.» оказались первой хард-роковой группой, разработавшей формулу успеха: непрерывные гастрольные турне. Замалчиваемая муз. обозревателями, игнорируемая радиостанциями, гр. «Г.Ф.Р.» тем не менее стала кумиром амер. молодежи и первой группой, выпустившей подряд 10 «платиновых» дисков — сейчас общий тираж их пл. составляет более 80 млн.

М. Фарнер и Д. Брюер вместе начинали в группе «The Pack» (вокалистом был Терри Найт, впоследствии продюсер «Г.Ф.Р.»). В конце 1968 г. они пригласили бас-гитариста группы «Mysterians» М. Шачера и дебютировали на фестивале поп-музыки в Атланте перед 125-тысячной аудиторией; первый альб. появился в конце 1969 г. Подавляющее большинство композиций писал и пел Фарнер, иногда солировал Брюер. В 1971 г. «Г.Ф.Р.» побили рекорд «Битлз» по скорости реализации билетов на свои концерты — к этому моменту группа уже считалась самым известным «тяжелым» трио мира, затмив таких «королей» 60-х, как «Крим» и «Эксперимент Джими Хендрикса».

В 1972 г. союз группы с Т. Найтом распался, и в очередном альб. (начиная с которого группа стала записываться под названием «Г.Ф.») был уже представлен четвертый музыкант, клавишник Крейг Фрост. В 1973 г. вышел альб. «Мы американская группа», заглавная песня с которого стала первой в хит-параде (следующая, и последняя, композиция, возглавившая хит-парад, появилась в 1974 г.— «Locomotion», всего в хит-парадах побывало 6 песен группы). Пл. 1976 г. продюсировал Фрэнк Заппа, и она оказалась последней, группа распалась.

Брюер, Шачер и Фрост организовали группу «Flint», которая записала один диск, Фарнер выпустил два сольных альб. В 1981 г. Фарнер, Брюер и бас-гитарист Деннис Беллинджер дали серию концертов, из которых был отобран материал для концерт. альб., после чего группа распалась окончательно. Фарнер сейчас живет на ферме и разводит племенных коров, Брюер играет в группе Боба Сигера, с которой до самого последнего времени сотрудничал и Фрост, Шачер переехал в Нью-Йорк, где открыл школу для начинающих бас-гитаристов.

Пл.: On Time, 1969; Grand Funk, 1970; Closer to Home, 1970; Live Album, 1971; Survival, 1971; E Pluribus Funk, 1972; Mark, Don and Mel, 1969—1971, 1972 (сборник); Phoenix, 1972; We're an American Band, 1973; Shinin' on. 1974; All the Girls in the World Beware!!, 1974; Masters of Rock, 1975 (сборник); Caught in the Act, 1975 (2LP — Live); Born to Die, 1975; Good Singin' Good Playin', 1976; Hits, 1977 (сборник); Grand Funk Lives, 1981 (Live LP); What's Funk, 1983 (сборник).

Марк Фарнер соло: Mark Farner, 1977; No Frills, 1978.

Группа «Флинт» (Брюер, уд., вок.; Шачер, бас. гит., вок.; Фрост, клав.; Билли Элуэрди, гит., вок.): Flint, 1979.

«GRATEFUL DEAD» («Грейтфул дэд»), группа «Благодарный мертвец» образовалась в 1965 г. в Сан-Франциско, США.

Исходный состав: Джерри Гарсиа (наст. имя Джером Джон Гарсиа), гит., вок.; Боб Уир (наст. имя Роберт Холл), гит., вок.; Рон Маккернан, клав., гармоника, вок.; Фил Леш (наст. имя Филип Чапмен), бас. вок.; Билл Крейтцменн (наст. имя Билл Соммерс), уд.

Сегодня «Г.д.» — это единственная группа психоделического блюза, сохранившаяся с 60-х гг. Несмотря на огромную популярность во всем мире, ни одна композиция «Г.д.» не попадала в «горячую десятку» хит-парадов, хотя несколько концертных альб. стали «золотыми» («Г.д.» установили рекорд по количеству концертных дисков).

«Г.д.» вышли из той же «коммуны» хиппи, которая дала миру Дженис Джоплин, Дэвида Нельсона и выдающегося поэта Роберта Хантера, стихам которого в немалой степени «Г. д.» обязаны своим успехом. «Г. д.», собравшихся из нескольких блюзовых групп, возглавил Дж. Гарсиа, талантливый гитарист и композитор. Фирму грамзаписи музыканты нашли с большим трудом, поскольку некоммерческий характер их творчества внушил продюсерам и менеджерам серьезные опасения. Тем не менее дебютный альб. был встречен очень тепло.

К началу 70-х у «Г.д.» появились последователи, и психоделический блюз стал пользоваться огромной популярностью в Европе, где «Г.д.» проводили большую часть своих концертных выступлений. Непрерывные смены состава не позволяли группе закрепить успех, поскольку уход того или иного музыканта требовал значительного переосмысления имеющегося материала,— возможно, этим объясняется непохожесть альб.,

записанных даже в один год. После смерти Маккернана (8.03.73) «Г.д.» стали преследовать неудачи, и в 1974 г. музыканты временно разошлись.

В 1976 г. «Г.д.» дали совместный концерт с «The Who» в Окленде, весь сбор от которого пошел в фонд помощи бедствующим художникам и поэтам.

Характер творчества «Г.д.» в целом с тех пор не изменился, хотя достижения звукозаписывающей техники нашли свое отражение в предпоследней пл. группы, «Во тьме», 1987.

Пл.: The Grateful Dead, 1967; Anthem of the Sun, 1968; Aoxomoxoa, 1969; Live Dead, 1970 (2LP — Live); Workingman's Dead, 1970; American Beauty, 1970; Grateful Dead, 1971 (Live LP); Europe'72, 1972 (3LP — Live); Vintage Dead, 1972 (**сборник**); Pop History 13, 1972 (**сборник**); History of the Grateful Dead, Volume I — Bear's Choice, 1973 (**запись концерта 1970 г.**); Historic Dead, 1973 (**сборник**); Wake of the Flood, 1973; From the Mars Hotel, 1974 (Live LP); Skeletons from the Closet, 1974; Blues for Allah, 1975; Pop History 23, 1976 (**сборник**); Steal Your Face, 1976 (2LP); Terrapin Station, 1977; What a Long Strange Trip It's Been: The Best of the Grateful Dead, 1978 (**сборник**); Shakedown Street, 1978; Go to Heaven, 1980; Reckoning, 1981 (Live LP); Dead Set, 1981 (3LP — **сборник**); In the Dark, 1987; Dylan and Dead, 1989 (с Б. Диланом).

Состав 1989 г.: Дж. Гарсиа; Фил Леш; Билл Крейтцменн; Боб Уир; Брент Мидленд, клав.; Мики Харт, уд.

Джерри Гарсиа соло: Garsia, 1972; Hooteroll, 1972; Live at the Keystone, 1973 (**запись сольных номеров Дж. Гарсиа в составе «Г.д.»**); Garsia, 1974 (**не путать с первой пл.**); Reflections, 1976; Cats under the Stars, 1978; Almost Acoustic, 1989 (Live LP).

«GRAVE DIGGER» («Грейв диггер»), группа «Могильщик» образовалась в 1980 г. в ФРГ.

Состав: Крис Болтендаль, вок.; Вилли Лаккманн, бас; Альберт Эккардт, уд.; Петер Массон, гит.

Жесткий хэви метал-рок, который исполняли «Г.д.», пользовался успехом в клубах города Гладбах — в 1983 г. музыкантов заметил президент новой фирмы грамзаписи «Нойз рекордз» и предложил долгосрочный контракт. Первый альб. вышел в 1984 г., и две песни с него, «Yesterday» и «Heart Attack», принесли «Г.д.» успех за пределами ФРГ, в том числе и в США. Второй диск, «Охотник за ведьмами», 1985, получился еще более удачным и попал в амер. хит-парад. Музыка «Г.д.» того периода отличалась очень жестким скоростным исполнением, а низкий и хриплый голос вокалиста придавал композициям тревожный оттенок. (Первые две пл. сейчас считаются классикой западногерманского «металла» и регулярно переиздаются.)

Неожиданный поворот наметился в 1986 г.: звучание группы стало более мягким, в записи альб. «Мощнее, чем раньше» участвовал клавишник, что совершенно недопустимо по законам «истинного металла», наконец, из названия исчезло слово «грейв», и слушатели были уверены, что речь идет о какой-то новой группе; в начале 1987 г. «Диггер» распались.

Недавно Болтендаль набрал новых музыкантов и приступил к записи очередного альб.

Пл.: Heavy Metal Breakdown, 1984; Witch Hunter, 1985; War Game, 1986; Stronger than Ever, 1986.

«GROUNDHOGS» («Граундхогз»), группа «Лесные сурки» образовалась в 1963 г. в Великобритании.

Исходный состав: Ти Эс Тони Макфи, гит., клав., вок.; Питер Крукшанк, бас; Кен Пастелник, уд.; Стив Рай, вок., гармоника.

Бывший почтальон Т. Макфи организовал «Г.» с намерением разработать англ. концепцию традиционного черного блюза. Надо сказать, что музыкантам это удалось: выступления группы в США вместе с такими исполнителями, как Литтл Уолтер и Джон Ли Хукер, привели амер. любителей блюза в восторг. «Г.» записали с Хукером сорокапятку и альб., но в 1965 г. группа распалась.

В 1968 г. «Г.» собрались в прежнем составе, и к началу 70-х группа зарекомендовала себя как одна из ведущих блюзовых групп Англии. В 1970 г. наметился поворот в творчестве, композиции «Г.» стали более «тяжелыми» и политически направленными. Антивоенная тема звучит на таких пл., как «Благодарю, господи, за бомбу» (1970), «Раскол» (1971) и «Кто спасет мир!» (1972). В это же время песни «Г.» занимают высокие места в хит-парадах, выступления группы на фестивале рок-музыки на острове Уайт было признано журналистами «лучшим хард-роковым концертом начала 70-х».

В 1973 г. музыканты записали очень сильный блюзовый альб. с Дж. Л. Хукером и Джоном Майаллом; в том же году, не выходя из состава группы, Макфи сосредоточился на сольной пл., что, очевидно, повлияло на взаимоотношения в группе, и в 1976 г. «Г.» распались.

Весной 1987 г. Макфи вновь собрал музыкантов, которые входили в состав «Г.» в 1976 г., и под прежним названием был записан новый альб., композиции которого представляют собой лучшие образцы тяжелого блюза.

Пл.: Shake It, 1964 (EP — **с Дж. Л. Хукером**); I Want to Shout the Blues, 1964 (**с Дж. Л. Хукером; в 1967 г. была переиздана под названием:** John Lee Hooker with The Groundhogs); Scratching the Surface, 1968; Blues Obituary, 1969; Thank Christ for the Bomb, 1970; Split, 1971; Live at Leeds, 1971 (**концертный**); Who Will Save the World?, 1972; Hogwash, 1973; The Groundhogs with John Lee Hooker and John Mayall, 1973; Solid, 1974; Best of Groundhogs 1969—1972, 1974 (**сборник**); Black Diamond, 1976; Crosscut Saw, 1976; Back Against the Wall, 1987.

Изменения состава: 1969 — Стив Рай; 1973 — К. Пастелник, — П. Крукшанк, + Клив Брукс, уд., + Мартин Кентин, бас; 1975 — К. Брукс, + Марк Кук, уд., + Дэвид Уэллбилавд, гит.

Т. Макфи соло: Me and the Devil, 1968; I Asked for Water, She Gave Me Gasoline, 1969; Same Thing on Their Minds, 1971; The Two Sides of T. S. McPhee, 1973.

вне очереди

Тони Макалпин — новый король хард-роковой гитары! Похоже, что так, во всяком случае, самые авторитетные музыкальные обозреватели Англии и США предрекают ему славу Ричи Блэкмора и Эдди Ван Халена. Музыкальная карьера этого двадцативосьмилетнего американца началась давно, еще в 1966 году, когда родители привели его в музыкальную школу. Двенадцать лет Тони осваивал фортепианные произведения Баха, Брамса, Листа и своего любимого Шопена, и быть бы ему классическим музыкантом, если бы не увлечение гитарой. В 17 лет Макалпин поступает в музыкальный колледж и через три года заканчивает его экстерном — в этот период он занимается исключительно переложениями фортепианных пьес для гитары.

В течение нескольких лет Тони шлифует гитарную технику, и вот наступает 1986 год, ставший для него переломным: вначале он записывает совместную пластинку с другим великолепным гитаристом, Винни Муром (здесь Макалпин выступал как клавишник), потом принимает участие в международном фестивале «Шоу-86», где устраивает гитарную дуэль с самим Эдди Ван Халеном — совместная работа двух гитаристов привела в восторг и слушателей, и специалистов. Вскоре Тони записывает сольный альбом «На грани безумия», создает супергруппу «МАРС» (M.A.R.S.: McAlpine — Aldridge — Rock-Sarzo, с которой выпускает диск «Project: Driver», и заканчивает год новой пластинкой «Предельная безопасность» (она вышла уже в 1987 г.). Каждая работа гитариста поражает великолепными аранжировками и фантастической техникой исполнения — Тони Макалпин новый король хард-роковой гитары!

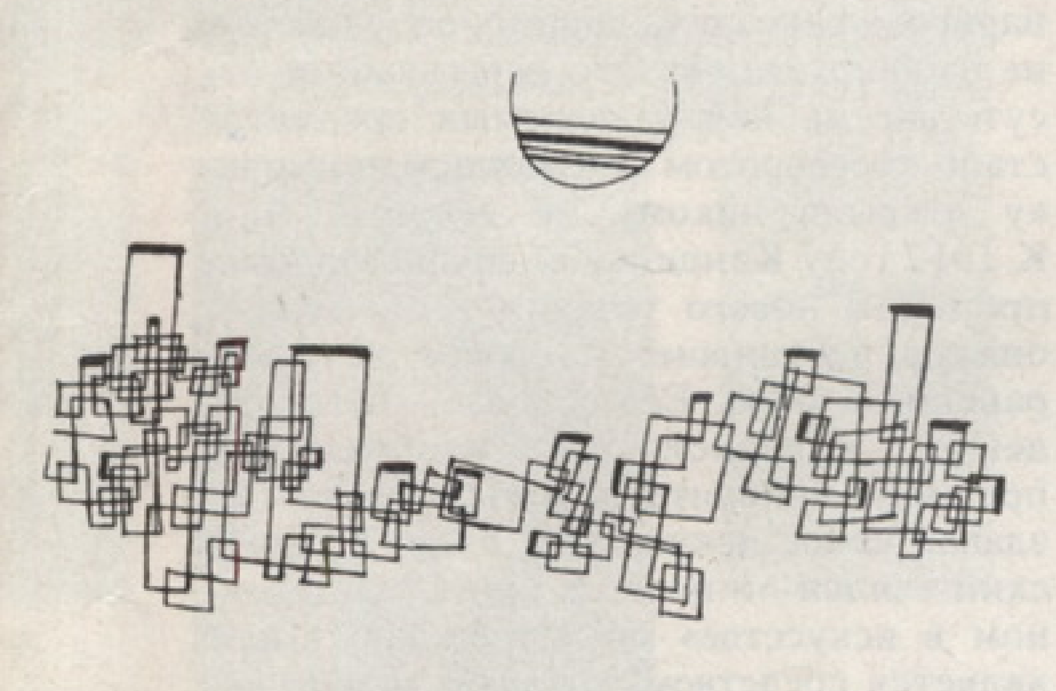

Пауль Клее:

Я — ЖИВОПИСЕЦ!

«Самый великий художник-поэт XX века, наиболее таинственный и глубокий во всей истории искусств. Современный Моцарт». К кому обращены эти восторженные эпитеты? К музыканту, поэту или живописцу? Речь идет о швейцарском художнике Пауле Клее.

Похвалы, даже в превосходной степени, не могут в полной мере отразить явление, каким был Клее — скрипач, художник, изобретатель волшебных образов и новых форм, тонкий теоретик и исследователь, одаренный особым видением, которое отличает поэтов.

В 1924 году он написал Луи Арагону: «Я не могу словами ответить на Вашу анкету, возможно, мои художественные образы скажут Вам гораздо больше». Творчество Клее — повесть об его исканиях, о жизни, оборвавшейся на высокой ноте. Пять лет безжалостная болезнь влекла его к смерти. Несмотря на кажущееся безмятежное отношение Клее к своему положению, его картины постепенно приобретали все более мрачный оттенок, как из-за прогрессировавшей болезни, так и угрозы катастрофы, в которую нацизм втягивал Европу. Он умер в июне 1940 года, когда ужас и мрак поглотили мир, и его смерть осталась незамеченной.

Ничто из изобретений в области искусства XX века, самого новаторского в истории, не ускользнуло от внимания Пауля Клее. Однако, несмотря на богатство форм и живописных приемов, на разнообразие техники, обилие идей, на множество дверей, распахнутых им в область воображаемого, невидимого, будущего, искусство Клее оставалось поразительно камерным. Его самые головокружительные находки, дерзкое новаторство укладывались в узкие рамки миниатюр. Кто-то сказал, что три капли воды, изображенные Мане, становятся океаном, а звездные пространства, открытые и исследованные Клее, под его пером или кистью сужаются до масштабов рукоделия. Самые сильные бури, разыгрывавшиеся в его творчестве, подобно бурям в стакане воды, не вызывали кораблекрушений.

Его искусство, несмотря на всю его революционность, говорило до поры не зычным голосом трибуна, а скорее философа, размышляющего о жизни, прислушивающегося и приглядывающегося к ней. Творчество Клее как бы предшествует жизни или следует за ней, а не живет в самой ее гуще. Оно, как сфинкс, остается вне времени немым свидетелем бурлящих событий.

Пауль Клее вместе с Василием Кандинским был одним из первых художников, дерзнувших отказаться от всех художественных традиций. Если кубисты, футуристы и другие представители модернизма все-таки сохраняли родственную связь, пусть отдаленную, с прошлым, и, как все художники всех времен, отталкивались от жизни и природы, Клее, как считают, последовательно обрывал все существующие с ними связи, чтобы только в самом себе черпать новые элементы. Он прислушивался лишь к собственным видениям — полузабытым впечатлениям детства, мечтам, снам. Его искусство не содержит ничего от уже виденного и известного.

Все должно было созреть внутри него самого, и никакие влияния не могли оказаться решающими. Из глубин воображения он извлекал материал для созидания собственной вселенной, ибо миссия художника, считал Клее,— сотворить мир, отличающийся от реальности. Ему принадлежит ставшая афоризмом фраза: «Искусство не воспроизводит то, что мы видим вокруг себя, оно делает его видимым».

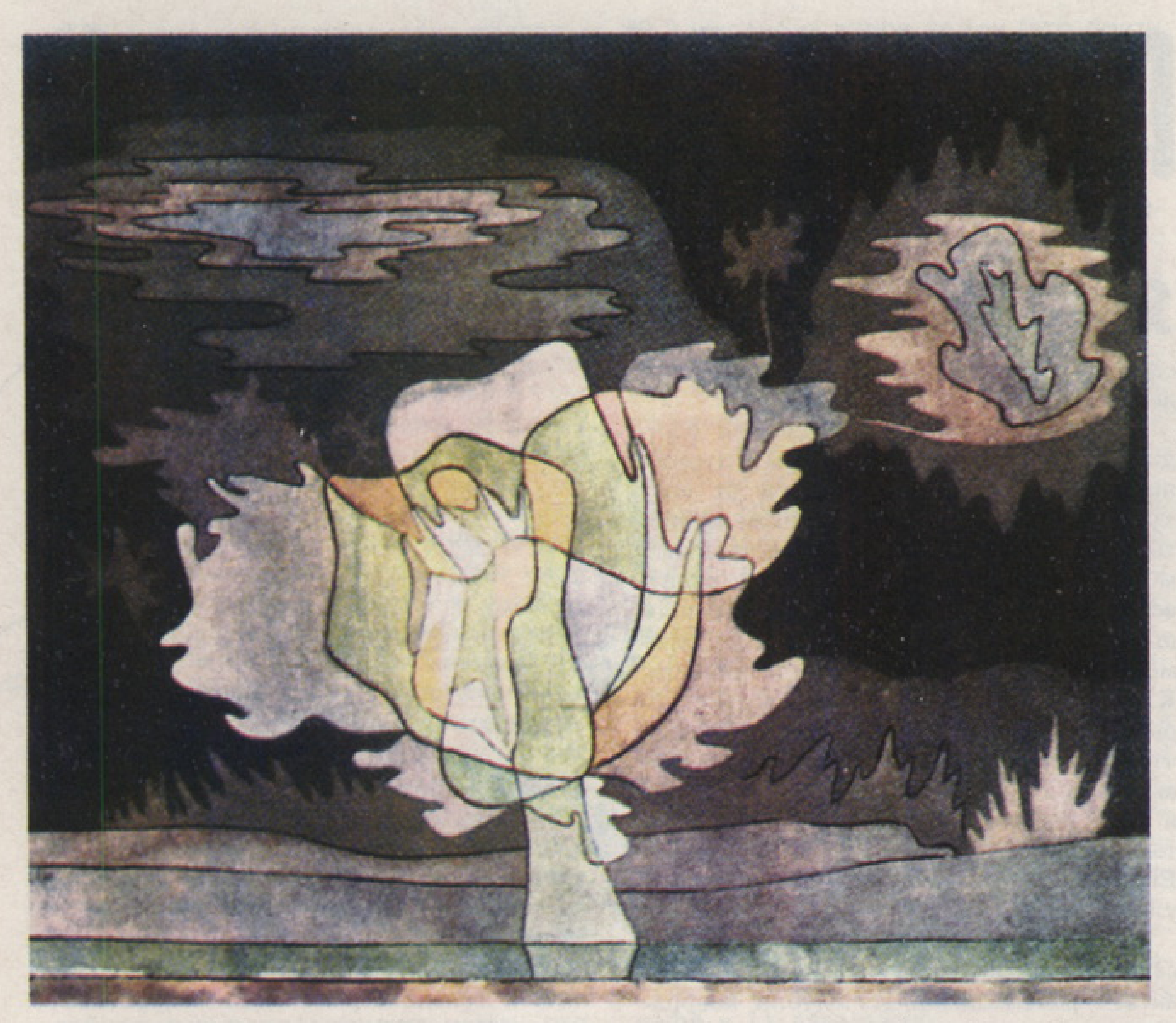
В малой вселенной Клее (а его картины часто были размером с ученическую тетрадь) треугольники и другие геометрические формы складываются в фигуру богини Дианы и передают ее порывистые движения и легкий бег («Диана на осеннем ветру»). «Девочка с куклой» изображена блужданием непрерывной линии, ее зигзаги — это любопытные детские глаза и удивленно поднятая бровь, а скрипичный ключ — прелестный завиток волос. Рисунок Клее великолепен, линия одушевлена, она поет, всего один штрих меняет образ, характер, настроение. Каким холодом веет от картины «Перед снегопадом»: по черному небу несутся тучи, все застыло в ожидании, и только дерево одиноко противостоит наступлению зимней тьмы, в нем еще бродят воспоминания о лете, когда оно зеленело, об осени, когда листва отливала золотом. В картине «Ученый» всего две линии — нахмуренных бровей и сжатого рта — создают характер педанта.

Пространство картин населено птицами, рыбами, плывущими кораблями, лунами, звездами. Фантастические города, соборы, мосты, причудливая растительность возникают при использовании одного из излюбленных приемов Клее — оттиска кружевной ткани. Архитектура властно вошла в его композиции из цветных треугольников и квадратов. Фасады зданий и церквей сменили математические конструкции, пугающие пустотами. Клее беспрестанно пробует новую технику, новые формы ради создания поэтичной атмосферы в картинах, приближающихся к абстракциям. Мишель Сейфор, апостол абстракционизма, сравнивал его искусство с сотворением мира.

«Он вел,— пишет Сейфор о Клее,— свое происхождение не от природы, а развивался, как она сама и вместе с ней. Его творчество — это сама природа, оно столь же естественно, как появление цветка, рябь реки, крик совы...»

Швейцарец по матери, немец по отцу, Пауль Клее родился 18 сентября 1879 года около Берна. Казалось, судьба настойчиво и последовательно готовила ему будущее музыканта. Его прадед был органистом, отец, мечтавший о карьере певца, работал учителем музыки, мать обучалась в консерватории. В семь лет она отдала мальчика учиться игре на скрипке, а четыре года спустя он выступал в муниципальном оркестре Берна.

Впоследствии Клее, уже избравший стезю живописца, тем не менее станет постоянным участником оркестра, будет гастролировать с ним и даже заменять первую скрипку. На музыкальном вечере он встретит свою будущую жену Лили Штумф — пианистку. Где бы он ни жил, в его комнате непременно стоял рояль, а на нем лежала скрипка. Он расстался с ней лишь в 1935 году, когда понял, что безнадежно болен.

В 1901 году Клее записал в своем дневнике: «Только в музыке я никогда не знал никаких колебаний». А колебания возникли, когда в 19 лет он должен был сделать выбор между музыкой и живописью. Художественные способности у него проявились еще раньше музыкальных: Клее рисовал с четырех лет, получив в подарок набор цветных мелков. Сохранились его рисунки, сделанные в возрасте 5—6 лет. В ресторане его дяди стояли столы с полированными мраморными досками, поверхность которых была покрыта путаницей вен-прожилок. В лабиринте линий можно было разглядеть гротескные фигуры и обвести их карандашом. Это занятие захватило мальчика, и его увлечение причудливым, тяга к странному осталась документированной рисунками на столе.

Позднее на картинах Клее в переплетении линий возникнут образы его фантазии, извлекающей из хаоса рациональное зерно замысла. Как когда-то в детстве на мраморной плите, он отчетливо различал то, что не видит обычный глаз. «В бурю в гряде волн,— записывал он в дневнике,— и в бушующей кроне дуба проступают очертания человеческого тела».

Но это — впереди. А пока юноша на перепутье: музыка или живопись? Главной любовью Клее были Бах, Моцарт, Бетховен, в современной музыке — Стравинский и Хиндемит. Современная музыка, по мнению Клее, шагнула дальше современной живописи. Возможно, его призвание как раз в том, чтобы помочь живописи преодолеть это отставание, двинуть ее вперед по крайней мере до уровня, достигнутого в музыке Моцартом. По существу совсем еще юный Клее решил помериться силами с гением. Немного найдется смельчаков, которым по плечу такие глобальные задачи, кто бы без колебаний связал свою жизнь с, казалось бы, недостижимой целью — и выиграл.

Во внешности Клее не было ничего героического. Высокий лоб, пухлые губы, темные пронзительные глаза, легкие движения — все это вызывало в памяти легенду о том, что предки его матери — выходцы из Алжира. Недаром он всегда испытывал тягу к Ближнему Востоку, куда ездил в 1914 году и чувствовал себя там как дома. Клее был застенчив, его сдержанность воспринималась всеми как холодность, замкнутость казалась высокомерием. Это портрет скорее мыслителя, чем борца и ниспровергателя авторитетов и традиций.

Пауль Клее ушел в живопись, как иные уходят в религию. «Я художник,— писал он в одном из писем,— и это крик триумфа и откровения». В 1900 году он уехал в Мюнхен учиться живописи. Именно здесь, в «городе пяти тысяч художников» он встретил двух русских — Василия Кандинского и Алексея Явленского, которые вместе с ним занимались в классе у Франца Штука в Академии художеств. Десять лет спустя они станут близкими друзьями.

Работа красками давалась Клее с трудом. Многие годы он предпочитал карандаш, перо, резец, с помощью которых выражал бури своего романтического духа. Он считал себя художником-графиком, увлекался рисунками на стекле. Поездки в Италию и Францию нисколько не изменили его художественного стиля. Клее признавал великие достижения классического искусства, отдавал дань Леонардо, Микеланджело и Рафаэлю, Рембрандту и Гойе, но не копировал классиков, а размышлял о них, стремился узнать больше об их технике и законах живописи. Вот как сам он работал маслом: начинал с того, что распределял цветные пятна по прихоти воображения, затем «объективно читал это «ничто», то есть выделял в них фигуры с помощью света и тени, как на мраморных столах своего дяди. Клее рисовал левой рукой, хотя не был левшой; он мог одновременно писать и рисовать обеими руками и одинаково хорошо справа налево и слева направо.

Коснувшись всех течений современной живописи — от кубизма до сюрреализма,— Клее сохранил абсолютную независимость, не примкнув ни к одному из них. Он избежал даже чистой абстракции, хотя дружил с основателем абстракционизма Василием Кандинским.

В 1910 году в Мюнхене Кандинский нарисовал акварель, ничего, по существу, не изображавшую. Это неожиданное отсутствие на ней узнаваемых предметов стало переворотом в живописи, поскольку открыло никому не ведомый мир. К 1912 году Кандинский сформулировал принципы нового течения — абстракционизма, получившего широкое распространение в мире. Его основа — освобождение живописи от изображения предмета, приоритет формы и цвета. Создавая новое искусство с нуля, Кандинский взялся за перо. В книге «О духовном в искусстве» он утверждал: «Цвет является средством, которым можно непосредственно влиять на душу. Цвет — это клавиши; глаз — молоток; душа — многострунный рояль».

Клее считал себя учеником русского мастера. Подружившись с его окружением — художниками Макке, Марком, Явленским,— Клее преодолел отчужденность и изоляцию (ведь его выставки не принимала публика) и обрел единомышленников. Вместе с Макке он отправляется в путешествие по Тунису. Именно здесь, под знойными голубыми африканскими небесами, Клее открыл самого себя. «Цвет и я едины,— восторженно записал он в дневнике.— Я живописец!» Художник-график, Клее внезапно осознает, как много ему может дать живопись... Он решил наконец оставить рисунки на стекле, чтобы посвятить себя главному призванию — стать мастером цвета.

По возвращении в Мюнхен Клее вошел в организованную Кандинским группу художников «Синий всадник». Две их выставки произвели впечатление взрыва, и Клее, до сих пор избегавший участия в теоретических спорах, обнаружил, что втянут в настоящие батали о современном искусстве. Лидерами разго-

равшейся борьбы были Кандинский и Марк, а Клее написал обзор выставок в Цюрихе, где яростно защищал своих друзей.

Круг его знакомств в Мюнхене растет: поэты, писатели, композиторы, издатели. Его студию посетил однажды знаменитый поэт Райнер Мария Рильке. «Как много должен вмещать в себя художник,— записал Клее после этой встречи,— быть поэтом, натуралистом, философом!»

1914 год был необычайно плодотворным для Клее, и даже разразившаяся война не могла оторвать его от работы. События поначалу не затронули Клее, если не считать, что его друзей разбросало во все концы Европы. Марк и Макке были призваны в армию, Кандинский и Явленский как русские подданные высланы из Германии. Вскоре пришла горестная весть: Макке в возрасте 27 лет убит в бою во Франции. Клее был потрясен: «Чем более ужасающим становится этот мир, тем более абстрактным — искусство». Его друг Франц Марк, талантливый немецкий художник, погиб весной 1916 года под Верденом. Через неделю 36-летний Клее был призван в армию. Служба не была для него особенно тяжелой, и в свободное время удавалось даже рисовать. Но вернуться к живописи он смог только в 1919 году.

В это время берлинское издательство «Штурм» выпустило альбом рисунков Клее, появились статьи в газетах. «Чудо свершилось. Моя работа оценена!» — записал Клее. Ретроспективная выставка его работ в Мюнхене в 1920 году вызвала настоящую сенсацию. Художник становится знаменитостью. В конце этого года известный архитектор Вальтер Гропиус, основавший в 1919 году в Веймаре Баухауз — архитектурно-художественный центр, пригласил Клее преподавать в нем. В 1922 году здесь появился и Василий Кандинский. Для Клее наступил, быть может, самый плодотворный и счастливый период в жизни. Программа работы предусматривала время для творчества и преподавания. Здесь не существовало барьера между студентами и их учителями — они работали в тесном содружестве. Веймар благодаря фестивалям и выставкам в Баухаузе стал столицей художественного творчества. Здесь давались театрализованные представления, концерты, читались лекции. Приезжали знаменитые композиторы — Хиндемит, Бузони, Стравинский, с которыми встречался Клее.

Несмотря на растущую известность, художник вел весьма скромный образ жизни. Он всегда соблюдал свой главный принцип: «Основа счастья — жить без претензий». Старая мебель, та же, что в Берне и Мюнхене, большой рояль посреди гостиной, стены увешаны картинами самого Клее и его друзей. И, конечно, кошка. Этих грациозных животных художник обожал и отвел им в своем творчестве столько же места, сколько Пикассо в определенный период — сове, с той разницей, что Пикассо не придавал птице значения символа, тогда как для Клее его любимый кот Бимбо был маленьким демоном, гением домашнего очага. Художник даже вел с ним долгие разговоры на особом языке. Во время ежедневных прогулок Клее мог остановиться и беседовать с птицей, со змейкой, пересекавшей дорогу. Для него они были составной частью космоса. Художник, по мнению Клее,— лишь медиум, через которого проявляет себя в искусстве космический дух. Искусство должно подчиняться тем же законам, что и мироздание. Он выражал это в формуле: «внешний мир — корни дерева, произведение искусства — крона, художник — ствол». «Художник находится в лоне природы и творит подобно ей». Клее постоянно сравнивал работу художника и ученого, который ищет за оболочкой явлений внутренние закономерности. Его полотна, иногда напоминающие графики и картограммы ученого, похожи на картины молекулярного мира с изображением элементов, составляющих материю.

Десять лет его работы в Баухаузе были самыми наполненными: многочисленные выставки в Европе и Америке, путешествия по Италии, Франции, Тунису и Египту, выход альбомов и монографий — жизнь, казалось, улыбалась Клее. А беда — смертельная болезнь и наступление фашизма — уже стояла на пороге.

Баухауз переезжает сначала в городок Дессау, но ненадолго; в 1933 году после прихода Гитлера к власти его закрывают. Клее принял предложение преподавать в Академии художеств в Дюссельдорфе, но смог спокойно работать там только два года: его яростно атаковали нацисты, объявив евреем и инородцем. Клее и в голову не приходило выразить протест: «Было бы недостойно дать вовлечь себя в нелепую грязную свару. Даже если бы я был евреем из Галиции, это нисколько не умаляло бы ценность моей личности и мои достижения. Я никогда не смогу добровольно изменить глубокому убеждению, что еврей, как и любой инородец, ни в чем не ниже живущего у себя на родине немца. В противном случае я буду выглядеть ничтожеством в собственных глазах. Я предпочту терпеть любые гонения, чем стать трагикомической фигурой, пытающейся снискать расположение властей».

Преследования заставили Клее покинуть Германию и поселиться в Берне. Нападки фашистов оказались для него тяжелейшим испытанием. Все берлинское издание «Рисунки Клее», не успев выйти из печати, было конфисковано гестапо. Нацисты конфисковали 102 его картины из музеев и частных коллекций Германии — 17 из них были поставлены к позорному столбу на выставке «Дегенеративное искусство» в Мюнхене в 1937 году. Друзья старались поддержать Клее. Его навещали художники Кирхнер, Брак, Пикассо.

Первые признаки болезни появились в 1935 году. Клее записал в дневнике: «Конечно, не случайно я вступаю на трагический путь. Многие мои заметки возвещают: час пробил». Он сознавал безысходность борьбы. Но именно в последние лихорадочные годы художник создал тысячи рисунков, множество картин. За последний год он написал вдвое больше, чем за любой предыдущий. Это был взрыв творческой активности. Именно теперь, на последнем дыхании, его живопись обрела смелость и масштаб, которого ей, быть может, недоставало.

Как и Моцарт, Клее создал реквием самому себе. На мольберте художника остался натюрморт, изображавший вазу, статую, цветы, разбросанные на столе, и в нижнем левом углу — ангела смерти. Еще более пронзительной эпитафией была небольшая картина, написанная в начале последнего года жизни под названием «Бродячий художник». Черный цвет сгущается над маленькой фигуркой человека с непокрытой головой, который прощально машет рукой.

На простой мраморной плите на могиле Пауля Клее в Берне выгравированы слова из его дневника:

«Меня трудно объяснить обычными земными образами, поскольку я чувствую себя одинаково свободно как среди умерших, так и среди еще нерожденных. Мне кажется, что я нахожусь рядом с источником истинного творчества и все-таки недостаточно близко к нему».

Алла ГРАЧЕВА

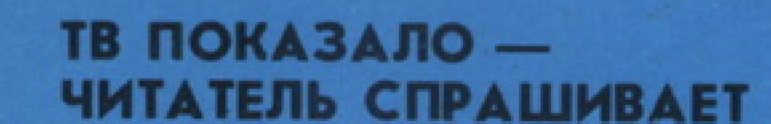

БОРЬБА ЗА ЗДОРОВЬЕ. Вы думаете, очереди или давка в часы «пик» — сугубо наш приоритет! Судя по фотографии, сделанной в парижском метро,— отнюдь нет. А судя по успеху книги американки Элеанор Ровео «Игры в ожидании», очереди бывают и в бездефицитной Америке. Вот несколько упражнений из этой книги: 1) сожмите пальцы в кулак, потом резко разожмите; повторите упражнение 20—30 раз; 2) повращайте кистями, меняя направление и постепенно увеличивая амплитуду и скорость вращения; 3) сжав руки в кулак, разомните кисти, делая движения вверх-вниз. Результат: улучшается кровообращение, подвижнее и сильнее становятся кисти и запястья.

В очереди можно исправлять осанку: 1) представьте, что стоите, прислонившись спиной к стене. Попробуйте, сгибая колени, как бы сползти по ней на несколько сантиметров. Голову и корпус при этом держать прямо; 2) набрать в легкие побольше воздуха, после глубокого выдоха на несколько секунд втянуть живот; 3) свести лопатки как можно ближе, постоять в таком положении некоторое время, затем расслабиться.

Следующие упражнения помогают расслабиться и успокоиться: 1) последовательно напрягать различные группы мышц; 2) расслабить все группы мышц, включая лицевые и шейные, сконцентрировать внимание на контроле за полным раскрепощением тела. Постарайтесь пробыть в таком состоянии до тех пор, пока не подойдет ваша очередь.

И если стояние в долгих очередях или в транспорте уже помогло нам добыть титул «самой читающей страны в мире», то теперь у нас наконец появляется шанс побороться и за звание «самой здоровой на свете нации».

ТВ ПОКАЗАЛО — ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

ИЗВЕСТНОЙ ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЙ ПЕВИЦЕ Дженнифер Раш в этом году исполняется 29 лет. Она выросла в семье музыкантов (отец был оперным певцом), с детства играла на скрипке, петь начала вместе со своим братом Бобби. Последний диск Дженнифер записала с Элтоном Джоном — это был большой успех. Потом началась работа над новым диском вместе с композитором Майклом Болтоном — Дженнифер любит петь дуэтом. Планы! Она выходит замуж, хочет иметь детей (много!), но и музыкальную карьеру прерывать не собирается. Что еще! Рост 1 метр 76 сантиметров, темно-карие глаза, черные волосы и очень много денег.

А ЧТО СНИМАЮТ! Малыш заблудился в лесу. К счастью, его встречает одинокий прохожий, и вскоре они становятся большими друзьями... Банальная кинозавязка! Есть одно обстоятельство: герои нового фильма не люди, а медведи! Известный французский режиссер Жан-Жак Анно (ему принадлежит экранизация романа Умберто Эко «Имя Розы») снял свою новую картину «с медвежьей точки зрения», а люди, хоть и встречаются с героями, но не играют главных ролей. Главную роль исполняет североамериканский медведь по имени Каар, роль малыша с блеском исполнил Юко, медвежонок гризли. Разумеется, это была непростая и опасная работа. Все члены съемочной группы (180 человек) проходили и специальный инструктаж. К счастью, «медвежий эпос» (так называют картину в западной прессе) удалось создать без членовредительства. На снимке: режиссер объясняет «актеру» следующую мизансцену...

РУССКИЙ СУВЕНИР. Куколку, подобную тем, что лежат на ладони художницы Александры Руневой-Коняевой, брал с собою в космос французский космонавт Жан-Лу Кретьен. Талисман благополучно вернулся на Землю, и здесь художница вручила Кретьену новую куколку, в тончайшую роспись которой включены символы Французской Республики.

Куколок Александры можно найти в коллекциях по всему свету: художница сделала их более тысячи, и среди них не найдется и двух одинаковых.

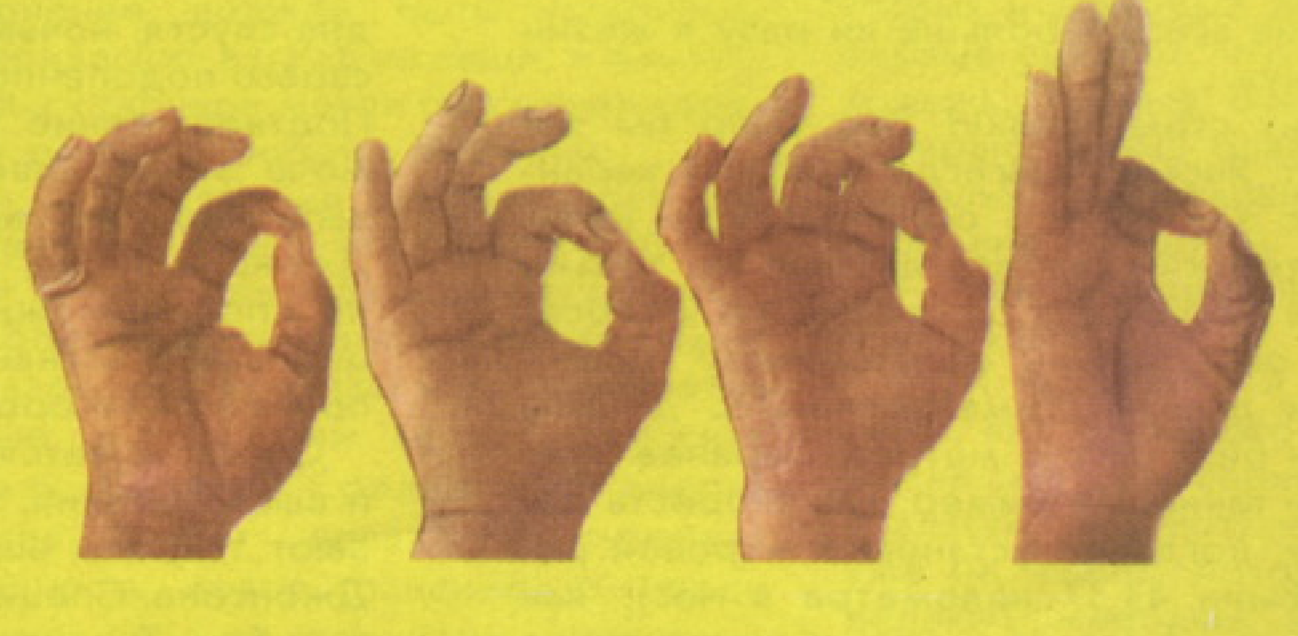
«Несмотря на участие в десяти выставках, я не член Союза художников,— говорит Саша,— это, наверное, оттого, что мое искусство не укладывается в обычные рамки. Может быть, именно поэтому моих куколок коллекционируют даже где-то в далеких странах... И всегда было очень много волокиты с разными формальностями. Но теперь московская фирма «Экстрасенс», с которой я заключила договор, принимает заказы от коллекционеров со всего мира».

ЭТО БЫЛО ДАВНЫМ-ДАВНО, в Риме, тогда еще Древнем, когда люди верили в судьбу. Следствие вели так: подозреваемого подводили к страшной каменной маске, заставляли произнести клятву, подтверждавшую его показания, и после этого вложить руку в пасть, именуемую «уста истины». Что должно было произойти потом! Что-то страшное, потому что преступники тут же «раскалывались»...

Шли века, на смену суевериям пришла наука криминалистика, а в Риме, теперь современном, пластиковые маски стали аттракционом, в котором наука служит суевериям. Всовываете руку в пасть — и компьютер «считывает» вашу судьбу...

«УДИВИТЕЛЬНО НЕ ТО, ЧТО РУССКИЕ научились играть в бейсбол, удивительно, что они так быстро научились играть так хорошо»,— заявили американские специалисты после посещения прошлогоднего нашего бейсбольного турнира. В бейсбол мы начали играть потому, что он включен в программу Олимпийских игр 1992 года. Американский футбол, резко отличающийся от европейского, пока не стал олимпийским видом спорта. Однако уже осенью есть шанс понаблюдать за игрой и увидеть вот такие сцены: в Москву собираются приехать две университетские футбольные команды, чтобы познакомить советскую публику с футболом по-американски.

СКОРО ЛЕТО, и с каждым летом все больше и больше наших молодых людей отправляются по различным линиям в зарубежные путешествия. Начинается закупка сувениров (конечно, не всем по карману авторские сувениры, подобные тем, что делает Александра Рунева-Коняева), начинается беготня за разговорниками. И каждый надеется, что уж жестами объясниться сможет. Но вот как раз с жестами необходима осторожность, потому что в разных странах они трактуются по-разному. Так, если вы выразительно крутите пальцем у виска, намекая на глупость, то в Голландии это будет воспринято как сообщение о чьем-то остром уме. А «пальцы колечком» означают (слева направо): в США — «все отлично!», во Франции — «дела на нуле», в Японии — «деньги», а в Тунисе — страшное «я тебя убью». Рассказывают, что в лондонском аэропорту «Хитроу» произошел такой скандал: колумбиец, желая сообщить своему бирманскому собеседнику, что откуда-то доносится неприятный запах, зажал пальцами нос, но сидевший напротив сириец воспринял это как обращенное к нему заявление «идите к черту!», и только вмешательство полиции помогло установить порядок.

Статуя треснула

Эрих ФОЛЛАТ,
западногерманский журналист

Бен Джонсон. Гора мускулов, объятая горем. Бритая наголо голова опущена между мощных плеч. Левая рука бессильно свешивается с дивана, качается нога в домашней тапочке, туда-сюда, снова и снова, минута за минутой — пока, наконец, тапочка по длинной дуге не летит в угол. «Хватит с меня! — кричит Бен Джонсон.— Я отплачу тому, кто все это подстроил!» Его сестра, в чьем домике на окраине Торонто мы спрятались от сотен телефонных звонков и любопытных, быстро уносит только что вымытую посуду — подальше от бушующего Бена.

Но после этого взрыва Бен Джонсон снова впадает в глубокое, безутешное отчаяние. Он говорит тихо: «Со мной покончено. Скорее всего я больше ни разу в жизни не пробегу стометровку».

Бен — и не пробежит стометровку? Это было бы так же, как если бы Хорст Янсен[1] навсегда отложил карандаш или Гюнтер Грасс заявил, что он больше не напишет ни фразы. Спринтерский бег всегда был не только способом зарабатывать деньги для Джонсона, но и способом самовыражения: он, ставший спортсменом года — 1987-го, думал, жил и дышал стометровкой. С детства он изучал все тонкости бега на сто метров. Заранее знал и планировал детали — такие, например, как скорость бега (в Риме в 1987 году, когда он установил мировой рекорд, скорость бега была 43,37 километра в час); как затраты энергии (каждый из его 46 могучих шагов стоил ему три тысячи ватт — достаточно, чтобы осветить целую виллу); как время старта (он срывался со стартовых колодок за 0,129 секунды — неправдоподобно быстро). Философию Бена Джонсона можно было бы выразить так: я бегаю — следовательно, я существую.

В последний раз мы виделись перед Олимпийскими играми. Тогда я увидел перед собой самоуверенного, переполненного силой бегуна. Сегодня тогдашние его высказывания кажутся исполненными значения, а тогда я не обратил на них особого внимания. О стимуляторах: «Конечно, я принимаю минералы в таблетках и витамины в пилюлях, это полезно для мускулов, но ничего химического...» О спорте во времена Джесси Оуэнса[2]: «Тогда спорт был чище, еще существовали честь и достоинство». Об олимпийской победе: «Я хочу обязательно выиграть в Сеуле — золотую медаль у человека отнять нельзя».

Потом настало время финального забега на сто метров в Сеуле. «Рекорд века»: 9,79 секунды. Триумф Бена Джонсона. Поздравления, полученные от канадского премьер-министра. Контракты на рекламу на пять миллионов долларов. А потом пришел тот страшный час. Это было два дня спустя, ночью, когда тренер Чарли Фрэнсис разбудил своего подопечного и сказал: «Допинг обнаружен в моче». Подтверждение поступило после повторного анализа: в моче олимпийского чемпиона найдены следы станозола, запрещенного анаболика. Скандал. Именно тогда Бен Джонсон узнал, что отнять золотую медаль у победителя вполне можно. Он возвратил ее, был дисквалифицирован и изгнан из олимпийской деревни «со стыдом и позором» («Торонто стар»).

Он скрывается. Никак не комментирует те сообщения и высказывания, которые все больше и больше расстраивают тех, кто еще хотел бы верить в невиновность Бена Джонсона. Специалисты по допингу между тем сообщают, что Бен Джонсон принимал запрещенные вещества не один раз, не «по недоразумению» или «из-за происков врагов», а довольно долгое время. Эти вещества стимулируют рост мускулов, укрепляют сухожилия и таким образом помогают бегуну нарастить скорость. Открытым остается лишь один вопрос: знал ли спринтер, что делает, или ему подсовывали дьявольский коктейль врачи или функционеры. Если он докажет, что не знал, это не вернет ему золотую медаль и мировой рекорд, но может сократить срок дисквалификации. И вернуть ему его репутацию, его честь.

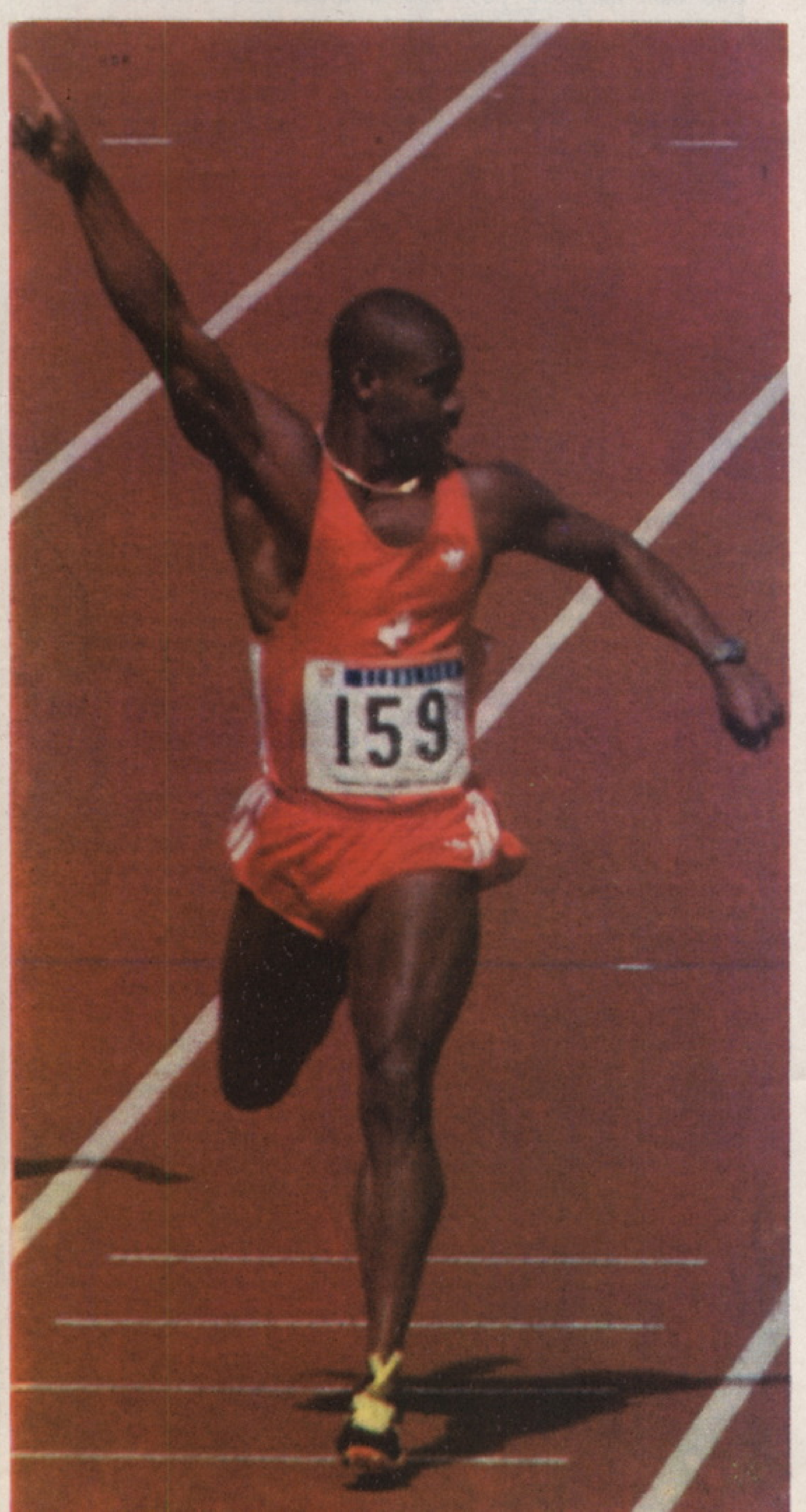
Честь много значит для него. «Это был как удар в голову, я был в шоке, когда услышал о том, что нашли до-

пинг. Но невыносимым это стало тогда, когда заплакала Мом (его мать). Это было, когда мы улетали»,— говорит Бен Джонсон, сидя в квартире своей сестры. Это первые слова, которые он говорит журналисту после Сеула. Сначала он отказал «Штерну» в интервью, но потом склонился перед решением семейного совета, который решил, что Бену следует объясниться с общественностью. Его отец специально прилетел на совет с Ямайки.

Домик, который Бен купил своей сестре Джен за восемьдесят тысяч долларов, представляет собой такой же кусочек Карибского бассейна в Канаде, как и дом, в котором двадцатишестилетний бегун живет с матерью и другими братьями и сестрами: дети, бегающие голышом, ямайские мелодии с кассетника, картинки заката на море и Матери Божьей. Симпатичный хаос. «Не помолиться ли нам всем вместе? — спрашивает Джен Джонсон между чипсами и кока-колой. В отсутствие мамы она перенимает командование, и Бен подчиняется.— Бог справедлив, он-то уж все сделает для нас».

Ларри Хайдебрехт, менеджер Бена, несколько неуверенно складывает ладони. Только что он рассказал о не вполне христианском поступке владельца газетной империи Руперта Мердока. Мердок предложил: пусть Бен расскажет за один миллион долларов, когда и как он принимал допинг. Если же будет настаивать на невиновности — не получит ни цента. Бен возмущен: «Пусть воткнет свои деньги себе в глотку! Мне важно отмыть мое имя от грязи. И я добьюсь этого, потому что я был победителем всю мою жизнь».

Но многие победители в современной легкой атлетике принимают стимулирующие препараты,— говорю я. «Бен, эксперты были мало удивлены тем, что ты принимаешь препараты. Они были потрясены, что ты не знал, когда надо вывести их из организма, чтобы их не могли обнаружить при анализе». Он чуть ли не прыгает на меня в приступе ярости, толстая золотая цепочка дрожит на его напрягшейся шее с пульсирующей артерией: «Я ничего не принимал, Карл Льюис — может быть, а не я!»

«Тогда, значит, неверно и то, что ты с твоим врачом однажды хвастались при свидетеле, что никто никогда не застукает тебя?» Он отчаянно вскрикивает. И наивная, детская искренность, с какой он утверждает, что невиновен, вполне правдоподобна. Хотя большинство современных спортсменов очень точно знают, что глотают.

Сейчас, в эти дни, он не хочет видеть ни своего врача, ни психотерапевта — возможно, он подозревает их. Да, именно доктор Марио Астафан, может быть, является тем злым духом, который подстроил весь этот трюк с допингом; один из работников спортивного клуба в Торонто, где тренируется Бен, готов присягнуть, что личный врач Джонсона рассказывал ему о «чудо-средстве», которое он дает Бену — «оно содержит запрещенные препараты, но мы сможем скрыть их при тест-контроле». Терапевт Вальдемар Матушевски тоже многократно имел возможность дать допинг спортсмену или даже — это вполне возможно с медицинской точки зрения — втереть в его тело при массаже. А по показаниям одного канадского врача, тренер Чарли Фрэнсис — его прозвище Чарли-химик — неоднократно заказывал у него анаболики. Доктор Ричард Хьюгсон: «Он был уверен, что все европейские тренеры дают препараты своим спортсменам, а ведь его парни должны быть на уровне во время соревнований».

Да, вокруг рекордсмена мира действует — и зарабатывает себе на жизнь — целая группа людей: тут есть люди с четко определенными функциями, такие, как менеджеры Ларри Хайдебрехт и Глен Калкинс или основатель легкоатлетического «Скарборо-клуба» Росс Ирл; но к ним в придачу еще и от полдюжины до дюжины таинственных везунчиков, которые готовы для Бена на любое дело и которым он доверяет многое. Подобно бывшему чемпиону мира по боксу в тяжелом весе Мохаммеду Али, Бен Джонсон добродушен — и в придачу падок на лесть. Он кормит целый клан вокруг себя, но не способен контролировать, чем этот клан занят. Банда эксплуататоров, которых он принимает за друзей. Но когда суперспринтеру Бену Джонсону действительно понадобились друзья — все они так быстро разбежались кто куда, что даже он не смог бы догнать их.

Такова его судьба с детства. Он вырос в нищем, пришедшем в упадок прибрежном городке Фальмоут на Ямайке. Он был одним из шести детей монтера телефонной станции. Когда они, все вместе, учиняли проказу и сматывались, Бен всегда оставался на месте, и именно ему доставалось за всех. Он был наивен и упрям, когда речь шла о том, чтобы убегать и прятаться. Он этого не любил.

Так было и потом, в Торонто, куда мама Джонсон привезла своих детей, чтобы у них была в жизни хоть какая-нибудь перспектива. Канада потрясла их: мороз, дворцы из стекла, «кадиллаки». Бен и другие ребята — выходцы с Ямайки играли в городском парке. Они смастерили капкан и поймали голубя. Охота на птиц на островах Карибского бассейна — естественнейшее из дел. Они разожгли костер и зажарили птицу. Когда двое полицейских набросились на «хулиганов», все убежали, преж-

де чем Бен понял, что случилось. Он так и не догадался, отчего стражи порядка так орали на него.

У других были друзья. У Бена — почитатели. Потому что парень, которого запихнули в «спецкласс» из-за того, что он не справлялся с заданиями по техническим дисциплинам (у него были пробелы в теории), в четырнадцать лет открыл в себе дар: он умел быстро бегать. Бен понял, что эта способность — и только эта! — поможет ему выделиться из среды сверстников и оправдать надежды матери. Мама находится в центре мира для Бена Джонсона. Он никогда не забудет, как она работала уборщицей, чтобы заработать своим детям на переезд в Канаду. «Без нее я никогда бы не выбрался с Ямайки. А на Ямайке я скорее всего кончил бы бродягой».

Именно поэтому так важен для Бена новый дом, строить который он начал недавно и который обойдется ему в более чем миллион долларов,— это дворец для Мом. Менеджер и члены семьи яростно спорят между собой об этом доме. «Вы не сможете осилить этот дворец»,— говорит Ларри Хайдебрехт и перечисляет, какие фирмы разорвали рекламные контракты с Беном после скандала в Сеуле. Таких фирм множество. Джонсон потерял от 10 до 15 миллионов долларов.

Бен живет в руинах своего недавнего благосостояния. Но он живет еще и в мире своей мечты и ведет себя так, как будто на следующей неделе должен получить свою золотую медаль обратно — вместе с миллионами. «Ну, конечно, мы будем строить дом для Мом дальше»,— говорит он. «А на какие деньги?» — спрашивает Хайдебрехт. Бен упрямо молчит. Сестра: «Если Бен хочет построить дом, то мы всей семьей будем носить камень за камнем, пока дом не будет готов». Хайдебрехт бросает на меня беспомощный взгляд и еще раз терпеливо объясняет, что, не имея твердых доходов, можно стать банкротом. Бен предлагает компромисс: «Я мог бы продать мой «порше». Но «феррари» я хочу оставить!» Это «феррари» модели «тестаросса», которую он купил перед Сеулом за 220 тысяч долларов.

«Самая быстрая машина мира для самого быстрого человека мира»,— говорит он. «Феррари» у Карла Льюиса нет, а вот «порше» есть. Вот в чем дело: Бен хочет в последний раз бросить вызов своему извечному врагу, этому Карлу, бег которого так элегантен, речь так умна, который так многосторонне развит и имеет такие многообразные интересы. Да, он совсем другой, чем «Большой Бен», одномерный человек, который умеет изъясняться только на языке спринта и который не заикается только тогда, когда речь идет о стометровке. Карл Льюис, Карл Льюис — больная тема для Джонсона...

Но Карл Льюис, прибежавший в Сеуле вторым и получивший потом золотую медаль Джонсона, кажется, вовсе не рад катастрофе, происшедшей с его соперником. Недавно он неожиданно дружелюбно высказался о Джонсоне: «Бен великий спортсмен. То, что случилось,— это трагедия. Я надеюсь, Бен вернется на дорожку». А что думает об этом Бен? «Ах, этот Льюис... Я не принимаю от него ни похвалы, ни хулы. Я побью его, когда мы встретимся в следующий раз в одном забеге». Он говорит так, как будто не верит, что его дисквалификация продлится не менее двух лет, по прошествии которых он скорее всего будет неспособен продолжить карьеру спринтера.

Атмосфера в комнате накаляется — Джен снова кричит менеджеру Ларри, чтобы он перестал наконец говорить о деньгах, с божьей помощью они сумеют оплатить дом. «Все мы в руце божьей»,— успокаивающе говорит Бен, и я снова сажусь рядом с ним, когда его сестра берет себя в руки и уходит в соседнюю комнату. «Лицемеры, обманщики, чтоб вы провалились,— говорит она, стоя в дверях со слезами на глазах.— Из героя сделали преступника».

Я делаю еще одну попытку поговорить с Беном Джонсоном об употреблении допинга в современном большом спорте. Я пытаюсь наладить осмысленный и разумный разговор с этим высоким и сильным человеком, переходящим от взрывов ярости к припадкам самой глубокой меланхолии. Разве он не знает, что станозол, обнаруженный в его организме, вызывает рак печени и ведет к импотенции? Разве он никогда не слышал об изменениях в структуре личности, которые вызываются анаболиками? И разве не стимуляторы пробуждают в нем агрессивность, которую он сам признал в себе, когда, проходя психологическое тестирование («Зачеркните квадратик, соответствующий Вашему мнению о себе: вы не агрессивны, несколько агрессивны или очень агрессивны»), написал: «Мне нужен еще один, четвертый квадратик». Но Бен ничего не хочет слышать об этом и ничего говорить. Как прежде, он считает себя «примером для молодежи»: «Я же невиновен, и значит, все это ничего не может изменить для людей, которые видят во мне пример для себя». Он утверждает это все три часа нашей беседы.

Я прощаюсь с Беном Джонсоном и его семьей. Грустно покидать их в таком состоянии. Возможно, Бен был преступно наивен, а возможно, он и правда умышленно принимал стимуляторы. Но он не заслужил, чтобы его мир был целиком разрушен и чтобы его спихнули в бездонную черную дыру потому, что он не справился со своей ролью идола масс, как это умеют делать другие, осторожно принимающие таблетки и изъясняющиеся более гладким языком, чем этот одномерный Бен, для которого жизнь начинается на старте стометровки и кончается на финише.

Их королевские высочества вешали ему медали на грудь и награждали его орденами, премьер-министры поздравляли его; принцы и известные актеры приглашали его на вечеринки, чтобы украсить их его присутствием. Теперь они прогнали его — при том, что для большинства из них речь идет не о «грехе» Бена, а о том, что он не сумел его скрыть.

Бен попал во все ловушки разом. Он не верил — и не верит, наверное, до сих пор,— что не все восхищались им искренне и без задних мыслей: «Кинг-Конг» современного спорта, который хотел, чтобы люди потрясались его мощью и немножко любили его, но который не замечает в своей беспомощности, как мир вокруг него поворачивается к нему спиной, убежденный, что он нарушил правила игры.

Фанфары в честь победителя — любимая музыка Бена Джонсона — теперь долго не будут звучать в его честь. Фотофиниш, показывающий, что он прибежал впереди всех — единственная картинка, которую он любит,— теперь долго не появится в газетах. Он одинок. Только его семья не оставила его. Мать, сестры, брат. Они единственные, кто говорят, что годы славы не изменили Бена.

Иногда, рассказывает мне Джен Джонсон, он бывал хвастлив, иногда впадал в раж и покупал направо и налево на свои огромные гонорары. Но он всегда думал о них, о семье. Пусть высокие чины из Международного олимпийского комитета дисквалифицируют его, пусть политики его презирают, а репортеры травят — Бен Джонсон не боится их. Он боится только того, что скажут ему его мать и отец, которым он — единственным на земле — расскажет правду о том, что на самом деле случилось у него с допингом. Он дрожит перед семейным советом, и в любом случае он подчинится приговору этого совета, так же, как подчинится, когда в один прекрасный день приведет девушку в дом: «Она должна понравиться Мом, а иначе она мне не нужна».

Памятник Бену Джонсону треснул — я говорю это в прямом смысле слова. Статуя, которая должна была быть поставлена в его честь в Оттаве, останется неоконченной и скорее всего пойдет на свалку. Символ того, что может быть выиграно и проиграно в 9,79 секунды.

Перевел с немецкого А. АНИН

[1] *Всемирно известный западногерманский художник. Живет в Гамбурге.— Здесь и далее прим. ред.*

[2] *Легендарный американский легкоатлет негритянского происхождения. Четырехкратный олимпийский чемпион на Играх в Берлине в 1936 году.*

•ОБЛИКИ ЛЮБВИ •МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНЫ

Читатели «Ровесника» часто просят в своих письмах рассказывать о том, как дружат, как любят «они», их зарубежные сверстники. А ведь сделать это не так просто. Ну, к примеру, попробуйте рассказать, как дружат или любят у нас. Каждый, наверное, по-своему. Именно из этого «по-своему» исходил чехословацкий еженедельник «Млади свет», предложив своим молодым читателям для «затравки» ответить на такие вопросы: каков твой идеал! У тебя был парень! А у тебя была девушка! Что ты думаешь о девственности! Где и как ты знакомишься! Что такое, по-твоему, любовь! Помогает ли тебе в решении личных проблем пример твоих родителей!

И вышел разговор серьезный и искренний. Читатели рассуждали, делились своим личным опытом и личными проблемами, изрекали житейские истины и делали свои маленькие открытия. И прежде всего пытались разобраться в самих себе. Может быть, порой их ответы покажутся противоречивыми. Но разве в жизни не бывает так, что на один и тот же вопрос хочется ответить сразу и «да», и «нет»! А впрочем, судите сами.

•ОБЛИКИ ЛЮБВИ

Анна КУДРНОВА,
чехословацкая журналистка

Петра, 17 лет, горожанка

«У меня нет идеала личности. О людях сужу по первому впечатлению. В любом случае отдаю предпочтение мальчикам, которые выше меня ростом. Думаю, что мой муж должен уметь понять меня, должен помогать в трудную минуту, а не только твердить как попугай «я тебя люблю». Я бы хотела, чтобы он не был равнодушным и чтобы не скрывал, если что не так. И еще, чтобы был внимательным. Раньше я считала, что плохо, если у девушки есть высшее образование, а у ее парня — нет. Но теперь мне кажется, что это не важно, что главное — в самом человеке. Может, парню больше нравится физический труд, или он не хочет зависеть от родителей.

Первый раз я была близка с парнем в пятнадцать с половиной лет. Не собиралась так рано, но испугалась, что он бросит меня, если скажу «нет». Позднее он обозвал меня дурой и сказал, что никогда из-за этого не бросил бы меня. Может быть, только больше уважал...

Мы познакомились на танцевальных курсах. Я была на каблуках, и он оказался ниже меня... От его друга я узнала, что он ходит кататься на коньках, и тоже пошла на каток. Он был страшно рад. Как-то раз он сделал резкий поворот, и я упала на него — и нам все стало ясно... Он старше меня на пять лет. Пять-шесть лет — это идеальная разница.

Мне не нравится, что мама пытается порой переделать папу, «давит» на него. Я тоже иногда пытаюсь что-то изменить в своем парне, а потом замечаю, что переусердствовала».

Дан, 18 лет, горожанин

«Для меня главное, чтобы девушка была оригинальной. Она не должна быть глупой, но, по крайней мере, не очень умной. Должна быть хозяйственной. И с работы должна приходить раньше, чем я. А не так, чтобы я пришел, а на столе — пусто.

С девушкой я еще не дружил, хотя и пытался, но главным образом из-за секса. Только я не выгляжу на свои 18, и девушки выбирают парней постарше. Один раз я влюбился по-настоящему, но это была несчастная любовь. С тех пор я и любви немного боюсь. Любовь, как мне кажется, это если девушка будет понимать меня и терпимо относиться к моим слабостям.

К вопросу о нравственности я отношусь нейтрально. Мой брат считает, что лучше подольше подождать, чем вмиг все испортить. Некоторые ждут и по три года. Я бы, по крайней мере, не бросил девушку, которая с этим не спешит».

Шарка, 18 лет, горожанка

«Тот, с кем бы я хотела прожить всю жизнь, должен быть честным, терпимым. И чтобы мы доверяли друг другу. Хорошо, если бы он не был глупым и не бросал бы дело на полпути. Так, если уж начнем собирать деньги на машину, чтобы мог чем-то поступиться. И чтобы смог получить образование. Неважно, какое у него положение в обществе. Самое главное, чтобы он любил работу и семью.

Первый раз была близка с парнем накануне своего восемнадцатилетия. Он был страшно удивлен и сказал, что очень уважает меня. Нашим отношениям даже помогло то, что я была девушкой. Я и представить себе не могу, что буду ему не верна.

Мы познакомились в кафе. Я мыла там посуду, и он заметил меня. Он старше меня на шесть лет.

Раньше я думала, как замечательно жить в отлично обставленной квартире. А теперь мне все равно. В его квартире довольно паршиво. Но вот я влюбилась в него и перестала обращать на это внимание. Боюсь даже, что, если б у меня вдруг появилась вилла, люди перестали бы быть со мной искренними. А потом бы переменилась и я сама. Лучше жить скромно, чем терпеть заискивания других. Любовь — это мир чудес и боли. Только от человека зависит, чего будет больше».

Мартин, 18 лет, из деревни

«Мне не нужна какая-нибудь металлистка-наркоманка и всякие такие дуры. Моей жене придется считаться с тем, что я очень разговорчив: говорю много и некстати. Хочу, чтобы моя девушка была веселой, имела такое же, как и я, образование и была обыкновенной: высокое положение приносит лишь одни хлопоты. Тем, кто занимает высокие посты, все завидуют.

У меня пока нет девушки, но есть подружка. Я встречаюсь с ней не из-за любви, а потому, что мы оба интересуемся программированием.

Мне еще не приходилось испытать на себе, что такое любовь. В телефильмах все происходит с первого взгляда... Мне кажется, что любовь — это прежде всего взаимопонимание. Это когда двое — не знаю, как лучше сказать — когда они идут по жизни вместе, одним путем и помогают друг другу. И вообще, я считаю, что любовь должна вести к свадьбе, к семье. А в книжках — сплошные аборты. Любовь — это когда вдвоем каждый чувствует себя хорошо.

Если встречу любовь, то все равно, сколько ей будет лет. Плюс-минус пять лет — не имеет значения. Серьезно с девушкой я еще не встречался. Немного завидую парням, у которых уже это было. Но думаю, что спешить не имеет смысла. Будет она девственна или нет — это ее проблемы. Только вот эти четыре буквы — СПИД. Уже из-за них было бы лучше, если бы она была девственницей».

Иярд, 18 лет, из деревни

«Девушка должна быть интеллигентной, а интеллигентность можно распознать сразу, уже по тому, как она одевается, как ведет себя. Наверное, для каждого парня идеалом является мама. Но вторую такую найти нелегко. Жена не должна сердиться из-за ерунды, должна уважать мое хобби. Я не люблю ни жирных, ни плоских, как доска.

Любовь — это когда у двоих все ладится, все удается. Я поставил бы знак равенства между супружеством и любовью. Супружество должно быть любовью, а не сухими, формальными отношениями. Просто секс я воспринимаю как что-то поверхностное. Интимная любовь — любовь не глубокая.

Я бы не хотел, чтобы моя невеста имела кого-то до меня. В самый первый раз девушка ведет себя совсем иначе, чем потом. Никогда не женюсь на той, которая была близка с другим. Это свидетельствует о ее легкомыслии».

Ирена, 18 лет, горожанка

«Он должен быть терпимым и интеллигентным. Все-таки лучше, если у мужчины достаточно высокое положение в обществе. Лично я вряд ли нашла бы общий язык с каменщиком. Хорошо, когда у мужа просто нормальная работа, хотя иметь мужа-директора совсем неплохо. Правда, папа говорит, что сейчас директорам больше платят за болтовню, чем за работу. Вот уж этого я бы не хотела. Хотя, когда я стану старше, мне, вероятно, будет неприятно, что у жены директора каждый год — новые наряды, а у меня лишь раз в пять лет. Мой муж должен уметь бороться за справедливость, а не соглашаться с большинством, если оно не право. И пусть ему потом будет нелегко. Я бы помогла ему.

Первый раз я была с парнем в 15 лет. Глупа же я была, что клюнула на его болтовню! Уж лучше бы это произошло в 18. Мне кажется, я смогла бы прожить всю жизнь с одним человеком. Если парень мне нравится, стоит ли искать еще кого-то и расстраиваться из-за того, что у другой их было двадцать. Так здорово, когда двое хранят верность.

С мальчиками чаще всего знакомлюсь на дискотеках, а с последним своим приятелем познакомилась в автобусе. Он любит меня, любит детей и хочет создать семью.

Любовь — это когда один живет ради другого, готов пожертвовать всем для того, чтобы им обоим было хорошо. Любовь — это, конечно, еще уважение и верность».

Перевела с чешского Л. СКВОРЦОВА

•МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНЫ

Джанет УОТС,
английская журналистка

Мой восьмилетний сынишка тратит все свои карманные деньги на военные игрушки. Я лично совершенно пасую перед его мудреными конструкторами и никогда бы не сумела построить космическую спасательную станцию. А он безо всякой посторонней помощи сделался настоящим специалистом буквально по всем конструкторам системы «Лего». Мои друзья считают, что он становится «настоящим парнем».

Я часто задумываюсь, действительно ли мальчики и девочки и, соответственно, мужчины и женщины во всем различны? Почему (как спросила бы Элиза Дулитл [1]) мужчина не может быть хоть немного похожим на женщину? Приблизились ли два противоположных пола хотя бы на йоту за истекшие два десятилетия борьбы женщин за равноправие? Или мужчины так и остались воинами и охотниками, агрессивными, беспорядочными, властными, интересующимися в основном работой, оружием, захватом чужих территорий и превосходящими женщин в области математики и шахмат? А женщины, неужели они все так же пассивны, безропотны, смиренны и

[1] *Персонаж пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион».— Прим. ред.*

предназначены лишь для создания очага и воспитания детей и чувствуют себя наиболее счастливо, свивая гнездышко, готовя пищу и вращаясь в кругу родных и близких, имея превосходство над мужчиной лишь в области разговоров?

Психолог Джон Никольсон считает, что «биологические различия между полами незначительны по сравнению с имеющимся между ними сходством», но по мере того, как Мери и Джоны подрастают, в их поведении проявляются те присущие разным полам особенности, которые развивают в них семья и общество.

Профессор Джеффри Грей из Лондонского института психиатрии, напротив, считает, что различия между полами — прежде всего биологические. «Я ни в коем случае не являюсь мужским шовинистом,— объясняет профессор,— можно ведь признавать биологические различия полов и при этом быть сторонником их равноправия. Практически невозможно найти ни одной области анатомии, где у мужчин и женщин не имелись бы какие-либо различия, причем речь идет не только о половых органах. У них по-разному функционируют головной мозг, гормональная и эндокринная системы, существуют отличия в темпераменте, интеллектуальных и чувственных способностях, в распределении жирового слоя в организме и даже в том, как они бросают предметы и играют с детьми». Для того чтобы лучше понять наше современное общество, профессор Грей призывает повнимательнее приглядеться к животному миру. «Общество не изобретено человеком, оно существует и среди животных,— утверждает Грей,— однако целые школы ученых, которым это должно быть хорошо известно, все-таки связывают понятие «общественного» лишь с человеком, а «биологического» — с животными».

Мне лично с трудом верится, что мужчина стремится занять верховное положение в общественной иерархии только для того, чтобы завоевать как можно больше хорошеньких женщин. Но вот доктор Гленн Уилсон, также работающий в Институте психиатрии, придерживается другого мнения.

По мнению Уилсона, именно врожденный инстинкт воспроизводства определяет различия между мужчинами и женщинами. Мужчины по большей части стремятся ко «множественным относительно анонимным половым связям, предпочтительно с более молодыми партнершами», женщины же, напротив, хотят «глубоких интимных отношений с определенным человеком, с которым могли бы строить совместную жизнь».

Как показывают психологические тесты и утверждает сложившийся стереотип, женщины обладают бо́льшими способностями в словесном выражении своих чувств, нежели мужчины. Но оказывается, что это превосходство не приносит женщинам никакой пользы. Женщина зачастую проигрывает мужчине с его невыразительностью и склонностью к молчанию. Мужчины одерживают моральную победу при помощи простых приемов: «Ты ведь знаешь, я не силен в словах», «Я не умею выражать своих чувств», «Что ты хочешь от меня услышать?» и «Неужели тебе до сих пор еще не ясно, что я тебя люблю».

В этой связи Гленн Уилсон подвергает сомнению пользу брачных консультаций, в которых ощущается определенное засилье женщин и где парам, как правило, советуют обсуждать возникающие у них проблемы. Будь там побольше мужчин, женщинам бы, вероятно, объяснили, что иной раз надо оставить мужа в покое и дать ему повозиться с авиамоделями или еще какими-нибудь интересующими его пустяками, чтобы разрядить ситуацию.

Выяснение отношений лишь усугубляет дело. Вот пример. Женщина говорит мужу: «Скажи мне, о чем ты думаешь, открой мне свои чувства, я хочу тебя лучше понять». Но как только муж сообщает, что он неравнодушен к дочери соседа, жена приходит в ужас, и все заканчивается рыданиями. В результате мужья предпочитают помалкивать.

Приводя результаты лабораторных исследований, из которых следует, что на эмоциональные стимулы женщины реагируют словесно, а мужчины — физиологически, Джон Никольсон высказывает предположение, что такая реакция у женщин помогает сохранить психическое здоровье. Мужчины в затруднительных ситуациях стараются скрывать свои чувства, что до какой-то степени объясняет более высокий процент алкоголизма у мужчин, их большую подверженность психическим заболеваниям, склонность к самоубийствам и раннюю смертность. Правда, среди женщин, стремящихся сделать профессиональную карьеру, выработались вполне «мужские» реакции на стрессовые и эмоциональные ситуации и увеличилось число сердечных заболеваний.

Мужчины и женщины сильно отличаются друг от друга, но существуют и значительные различия между представителями одного пола. В принципе мужчины бегают быстрее женщин, но есть женщины, которые бегают гораздо быстрее большинства мужчин, и разница между мужским и женским мировыми рекордами в беге на 100 метров составляет доли секунды.

Установлено также визуально-пространственное превосходство мужчин. У крыс, к слову сказать, самцы более проворно выбираются из лабиринтов, чем самки. Ну а у людей действительно все сильнейшие шахматисты — мужчины, а эта игра требует именно пространственного мышления. Хотя, конечно, и здесь имеются свои исключения.

Благодаря своему умению ориентироваться в пространстве, разбираться в математике и строить иерархические отношения мужчины становятся архитекторами, крановщиками, инженерами, проектировщиками, политиками, летчиками, промышленниками, футболистами и военными. Для женщин благодаря их воспитательным инстинктам на первом месте стоит семья, а в профессиональной сфере они чаще всего выбирают преподавание, воспитание, уход за больными и участие в благотворительной деятельности.

Гленн Уилсон полагает поэтому, что существование общества, где власть поделена между мужчинами и женщинами поровну, «попросту невозможно — для этого придется переступить через их природные различия. Сделать это законодательным путем — значит, создать в обществе дополнительные напряжения».

В подтверждение своей теории он отмечает, какими трудными и подчас безуспешными являются попытки женщин продвинуться вверх по созданной мужчинами иерархической лестнице: «Советский Союз строится на принципах равенства между мужчиной и женщиной. Но посмотрите на состав Политбюро — с женщинами там не густо. В Соединенных Штатах феминизм прошел большой путь, но, однако, я не вижу, чтобы и там женщины занимали главные командные посты».

А что же тогда Индира Ганди, Корасон Акино, Харлем Брундтланд, Беназир Бхутто, Маргарет Тэтчер, наконец? Ее феномен, по мнению доктора Уилсона, вполне подтверждает его теорию. Ее называют «лучшим мужчиной в партии тори», о ней говорят, что «она использует свое женское очарование как артиллерийские снаряды».

До недавнего времени женщины с большой охотой готовы были отказаться от профессиональной карьеры ради брака и детей и предоставить своим мужьям зарабатывать деньги и принимать решения. Сейчас дело обстоит иначе. У многих пар, где оба супруга работают и разделяют идею равноправия, начинаются серьезные разногласия с появлением ребенка. Жене приходится жертвовать карьерой и погружаться в домашние заботы.

Итак, возможен ли счастливый исход из этого великого противостояния? Сможет ли женщина добиться равноправия с мужчиной или всегда будет в проигрыше? Ведь равенство означает не сходство, а отсутствие превосходства.

А пока я думаю о своем сынишке. Откажется ли он от преимуществ, унаследованных им вместе с полом, ради равенства с женщиной? И сумеют ли современные девочки приспособиться и пойти на определенные уступки? Станет ли их завтрашний мир лучше? Сможем ли мы им в этом помочь?

У меня нет уверенности, что я когда-нибудь найду ответы на эти вопросы.

Перевела с английского
М. ДУБРОВСКАЯ

«ТВИСТЕД СИСТЕР»

Много лет назад Элвис Пресли пел: «Не будь жестоким по отношению к школе» — кстати, эта песенка вновь стала очень популярной в исполнении ансамбля «Чип трик»; видимо, такое правильное ее содержание побуждает телестанции многих стран, в том числе и наше Центральное телевидение, активно ее транслировать. Короче, содержание то же, что в «Школьном вальсе», только это рок-н-ролл. Но вот какая штука получается: и «Школьный вальс», и эту песенку написали люди, давно школу окончившие и вспоминающие ее с ностальгией, что вполне естественно. А если тебе четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, и ты ждешь— не дождешься дня, когда «все эти муки» кончатся, и ты наконец-то заживешь вольной (как тебе кажется) жизнью взрослого человека? А вы, взрослые, признайтесь честно, ведь снятся, снятся до сих пор сны, что предстоит сдавать математику (или какой еще ненавистный предмет, для каждого — свой). Да вот она, контрольная, послезавтра, а ты точно знаешь, что ничего не знаешь, и в этот момент тебе говорят, что школа — лучшая пора твоей жизни, и к ней следует относиться трогательно и с любовью? И что тогда стоит самое правильное содержание песенки Элвиса Пресли, когда хочется во все горло заорать самое что ни на есть противоположное? (И — тайная и грешная надежда: учитель заболел, на школу наехал подъемный кран, сгорела она ясным пламенем, вместе с классным журналом, который каждый год пытаются стащить какие-то террористы и который все равно возникает из пепла, как Феникс.)

Не знаем, как нашим школьникам (тем, для кого именно английский язык — главное мучение), а вот американским школьникам очень пришлась по душе песенка группы «Твистед систер», в которой их призывают не лицемерить, а так прямо и признаться, что хорошо бы, если б эта школа полетела в тартарары. Нашим скорее всего пришлись по душе песни «Твистед систер» просто потому, что они здорово звучат (судя по письмам в редакцию, «Твистед систер» пользуется у нас не меньшей популярностью, чем в США, где любовь подростков не раз возносила группу на самые верхние строчки хит-парадов).

Поверхностный взгляд на творчество «Твистед систер» может привести к справедливому, но поверхностному заключению, что группа пошла по дорожке, прототоренной еще в начале 70-х Элисом Купером, Гэри Глиттером и некоторыми другими корифеями рока,— по дорожке, ведущей в мир подростка. И это действительно так. Но в чем же тогда поверхностность подобного заключения? А в том, что, говоря об этом мире, обычно подразумевают нечто если и не безнадежно примитивное, то, во всяком случае, явно уступающее полноценному миру взрослых. Еще бы — неискушенное, неопытное, незрелое, не... не... не... сознание подростка — куда ему тягаться с духовным богатством, которое должно наличествовать у взрослого челвека? А между тем, это общепринятое мнение — один из примеров крайней предвзятости и несправедливости общепринятых мнений. Ибо мир подростка с его глубиной, драматизмом, нравственным богатством, насыщенностью незаурядными открытиями по справедливости следует считать вершиной в эволюции личности, за которой часто следует, увы, спуск. Вот почему «прототоренная дорожка» оказывается на самом деле очень и очень трудной и требует от каждого, вступающего на нее, таланта первооткрывателя.

Не случайно каждый, кто отваживается на диалог с этой требовательной и неподкупной публикой, не только рискует быть отринутым своими собеседниками, но и оказаться — в случае успеха — втянутым в бесперспективный диспут с достигшим зрелой кондиции обывателем.

Именно так и случилось с «Твистед систер» и с создателем группы — Ди Снайдером. Ну как, скажите на милость, могла реагировать «взрослая Америка» на такие вот слова?

Я даю клятву верности флагу
Соединенных Штатов Рока,
И всему, ради чего он реет.
Одна музыка есть у бога,
Даже сам господь любит рок-н-ролл,
Дарующий свободу
и справедливость всем странам...

Да это же издевательство над святыней, богохульство форменное, возопили взрослые; чему учит, к чему призывает такое, с позволения сказать, «творчество»? Запретить, не пущать! (Мы ведь не одиноки в страсти к запретительству и «непущательству», американцам тоже не чужда такого рода деятельность.) Единственное качество, которое в данном случае не учитывалось,— это чувство юмора тех, кто сочинял песню, и тех, для кого она была предназначена. Да разве может быть чувство юмора у подрост-

ка?! Подростков учить надо, а не беседовать с ними на их же языке! Да еще употребляя всякие характерные для их дурацких компаний словечки.

Что же касается самих подростков, то они приняли «Твистед систер» безоговорочно — пластинка 1985 года «Выходи и играй», в которую была включена процитированная песня, стала платиновой, да и все пять выпущенных группой пластинок заняли подобающие им высокие места.

...Кстати, а где ты встретил ту девчонку?
В кондитерской лавке, вот где.
Она повернулась и улыбнулась,
Ты просекаешь ситуацию?
Да, приятель, мы-то просекаем,
Как все вышло.
Но только родичам ее я совсем
не нравлюсь,
Они говорят, что я «не того круга»,
Они говорят, что я хулиган,
А она понимает, как мне одиноко,
Вот что она понимает.
И в один прекрасный день ее папаша
сказал,
Что нам нельзя больше встречаться.
Я все спрашивал: «Почему, почему?»
А она только плакала:
«Прости, что так вышло».

Справедливости ради следует отметить, что автором как раз этой песни был не Ди Снайдер, это старый, еще пятидесятых годов рок-н-ролл, однако он настолько здорово «ложился» в русло всего творчества Снайдера и его группы, что они включили его в свою пластинку. Публика прекрасно «просекала» — почему, однако взрослые «не просекали». И началась свара. Благонравные супруги высших американских чиновников решили затеять общественную кампанию, призывающую к цензурированию текстов рок-групп— в список «подцензурных» включены были не только тексты «Твистед систер», но и целого ряда других групп и исполнителей, однако на «скамью подсудимых» призван был именно Снайдер. Надо сказать, что эта кампания (отголоски которой прозвучали и в нашей прессе) была затеяна во вполне определенное время: предстояли очередные выборы в сенат США, и некоторые жены решили протащить своих мужей в высшие эшелоны власти верхом на проекте закона о цензуре. Однако... Выступление Ди Снайдера перед конгрессменами, поддержанное Фрэнком Заппой, известным насмешником, полностью разрушило дамские происки: даже самые ярые сторонники цензуры не могли удержаться от смеха, когда Заппа и Снайдер принялись разбирать предложение, как говорится, по косточкам. А, как известно, при столкновении смеха с глупостью последняя погибает. Однако семена ее прорастают вновь и вновь — особенно когда дело касается стремления переложить бремя ответственности на чьи-то плечи, в данном случае, государственной власти. Потому что ежели тебе самому не удается найти общего языка со своим ребенком, не хватает такта и чувства юмора, чтобы понять его, то очень хочется попросить власть принять какой-нибудь такой закон, который обязывал бы чадо относиться к тому-то и тому-то так, как тебе хочется, и именно так..

Конечно, отнюдь не «благонравные жены» виновны в том, что группа «Твистед систер» распалась (это случилось совсем недавно) — скорее всего тому причиной внутренние творческие мотивы. Но именно после этой истории Ди Снайдер решил впрямую побеседовать с молодежью по самым различным проблемам личной жизни. А о чем именно — вы скоро узнаете: **с седьмого (июльского) номера «Ровесник» начинает публикацию этих бесед.**

Ну а поклонников песенного творчества Ди Снайдера просим не беспокоиться: он собрал новую группу «Десперадос», и весной вышла первая пластинка.

Б. КОМОВ

В прошлом году «Ровесник» опубликовал постер западногерманской группы «Хеллоуин» (см. № 9/88) с пожеланиями музыкантам успеха. Видимо, поэтому альбом квинтета «Хранитель семи ключей, часть 2», выпущенный осенью 1988 года, оказался если и не лучше, то, во всяком случае, не хуже предыдущей «Части 1». Успех новой работы обострил интерес слушателей к старым альбомам «Хеллоуин» — в хит-параде синглов вновь появилась песня 1987 года «Будущий мир»: «Мы произносим слово «завтра» без страха, потому что на нашей стороне чувство общности, мы любим жизнь и знаем, что мы будем жить... но для этого ты должен понять, что все люди должны быть вместе».

If you're out there all alone
And you don't know where to go to
Come and take a trip with me to Future World

And if you're running through your life
And you don't know what the sense is
Come and look how it could be in Future World

We all live in happiness our life is full of joy
We say the word «tomorrow» without fear
The feeling of togetherness is always at our side
We love our life and we know we will stay

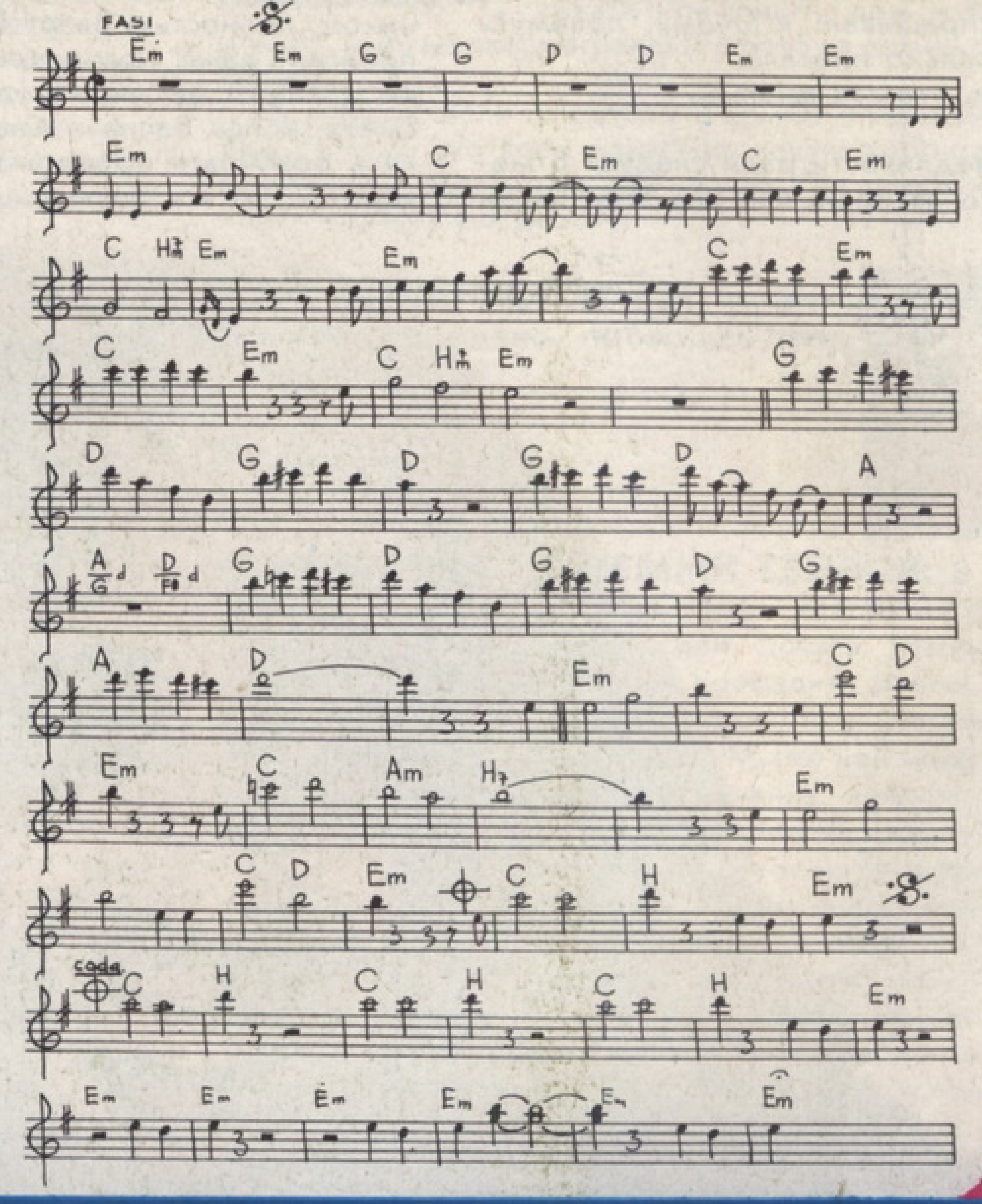
'Cause we all live in Future World
A world that's full of love
Our future life will be glorious
Come with me — Future World

You say you'd like to stay
But this is not your time
Go back, find your own way to Future World

Life can be for living
Just try and never give in
Tell everyone the way to Future World

One day you'll live in happiness
With a heart that's full of joy
You'll say the word «tomorrow» without fear

The feeling of togetherness will be at your side
You'll say you love your life and you'll know why
Scream it out

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Материалы, посвященные XIII Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Пхеньяне.

Дневниковые записи юного парижанина о Великой французской революции.

Венгерский журналист Тибор Шебеш и председатель БММТ «Спутник» ЦК ВЛКСМ Алексей Хохлов — о возможностях изучения иностранных языков за границей.

Фантастический рассказ Айзека Азимова.

Экс-чемпион мира по каратэ Чак Норрис — о своем друге, известном киноактере Брюсе Ли.

Индекс 70781
Цена 35 коп.